

П Р И Р О Д А

И

О Х О Т А

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ

И

ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ

1879

ТОМЪ I

МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Бременская Экспедиція въ Семипалатинской Области.

16 апрѣля, 1876 года, прибыла въ Семипалатинскъ Экспедиція, снаряженная Бременскимъ Полярнымъ Обществомъ для изслѣдованій Западной Сибири.

Она состояла изъ трехъ лицъ: начальника экспедиціи доктора Отто Финша, *) извѣстнаго зоолога доктора Альфреда Брема **) и графа

*) Докторъ Отто Финшъ, сынъ купца, родился 8 августа 1839 г. въ Вармбрунѣ, въ Шлезвигѣ. Получивъ образованіе дома, онъ долженъ былъ вступить въ дѣла отца, но ребенкомъ еще обнаружилъ страсть къ естествознанію и въ 1858 году отправился въ Пестъ, чтобы работать въ музеумѣ; потомъ поѣхалъ домашнимъ учителемъ въ Турцію, гдѣ пробылъ 2½ года; въ теченіи этого времени сдѣлалъ много экскурсій въ Балканы и по Дунаю. Возвратясь на родину, онъ получилъ въ 1860 году мѣсто ассистента въ Королевскомъ Нидерландскомъ Музеѣ въ Лейденѣ, гдѣ учился подъ руководствомъ профессора Шлегеля и слушалъ лекціи Яна фонъ-дербъ-Хевена; въ 1864 г. состоялъ консерваторомъ естественно-историческаго музея въ Бременѣ, въ особенности замѣчательнаго своей основательной орнитологической коллекціей. Въ 1872 г., д. Финшъ, съ секретаремъ Полярнаго Общества, д. Линдеманомъ, сдѣлалъ путешествіе въ Соединенные Штаты, преимущественно для изученія рыбъ; посѣтилъ Скалистыя горы и Калифорнію. Въ 1873 г. онъ былъ въ Норвегіи и Лапландіи. Д. Финшъ—авторъ многихъ сочиненій и монографій, около 120, написанныхъ частью на англійскомъ языкѣ.

**) Докторъ Альфредъ Бремъ, сынъ одного изъ основателей нѣмецкой орнитологіи, „старога Брема“ (Христіана Лудвига) священника въ Рентендорфѣ, въ Тюрингенѣ, родился 3-го февраля 1829 г.; онъ учился въ Ленѣ и въ Вѣнѣ. Съ 1847 до 1852 г. путешествовалъ по южной Африкѣ; въ 1860 г. посѣтилъ Норвегію и Лапландію, и въ 1861 г. пять мѣсяцевъ путешествовалъ по Абиссиніи съ герцогомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ. Передъ отъѣздомъ въ Абиссинію, докторъ Бремъ началъ свой знаменитый трудъ „Иллюстрированная жизнь животныхъ“. Съ 1863 до 1867 г., д. Бремъ занималъ мѣсто перваго директора зоологическаго сада въ Гамбургѣ; въ 1867 г. имъ основанъ Берлинскій аквариумъ. Изъ его сочиненій можно назвать слѣдующія: 1) „Путевые эскизы“ изъ путешествій по Африкѣ. 2) „Жизнь птицъ“. Путешествіе по Норвегіи и Лапландіи (1860 г.). 3) Путешествіе въ Габешъ. 4) „Лѣсныя животныя“, изданныя вмѣстѣ съ Россмеслеромъ. 5) „Иллюстрированная жизнь животныхъ“. 6) „Пойманныя птицы“. Затѣмъ множество статей въ Gartenlaube, Журналѣ Орнитологіи и другихъ.

Вальдбургъ-Цейля *). Ихъ сопровождали: переводчикъ — латышь, и московскій артельщикъ. Прибытіе ихъ въ Семипалатинскъ произвело большой эффектъ. Кромѣ того, что экспедиція была особенно рекомендована вниманію мѣстныхъ властей и Русскимъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и главнымъ начальникомъ края, Г. А. Казнаковымъ, — имя доктора Брема знаетъ почти вся грамотная Сибирь. «Иллюстрированная жизнь животныхъ» есть въ библиотекѣ каждаго училища. Но какъ ни извѣстны труды и имя доктора Брема—наружность его была мало кому знакома, и на пути экспедиціи въ Семипалатинскъ, въ одномъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Западной Сибири, произошло забавнѣйшее *qui-proquo*. Доктора Брема многие приняли за *ненастоящаго Брема*, признавъ его даже за *невѣжду въ зоологій!*

Трудно вѣрилось въ подобный фактъ, но къ сожалѣнію мы слышали подтвержденіе отъ очевидца. «Эти нѣмцы совершенные невѣжды,» — говорилъ намъ г-нъ П—въ—«никакого языка, кромѣ своего, не знаютъ. Мы ихъ *руками* по русски—ничего не понимаютъ! Бремъ *этотъ* не могъ опредѣлить ни одного звѣрка, ни одной птицы, которыхъ ему показывали въ О.!»

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Къ несчастію, д. Бремъ читаетъ по русски, а графъ Вальдбургъ-Цейль учился русскому языку и по русски не только читаетъ и пишетъ, но можетъ, хоть плохо, даже объясняться. Больно было слышать про этотъ, по меньшей мѣрѣ, странный способъ опредѣленія образованности извѣстныхъ Европейскихъ ученыхъ, и еще больнѣе, что наши иностранные гости не могутъ сказать обидную поговорку: «*Grattez le Russe vous trouverez le Tartare*», не сдѣлавъ несправедливости татарамъ. Мы долгое время живемъ среди ихъ и никогда ничего подобнаго этому дикому факту не знали. Тѣмъ болѣе прискорбно, что авторы этихъ остроумныхъ выходокъ люди претендующіе на университетское образованіе.

*) Графъ Карлъ Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ, младшій братъ князя Вальдбургъ-Цейля, президента Виртембергской Палаты, родился въ 1841 году. Кончивъ гимназическій курсъ, онъ сталъ изучать лѣсоводство въ сельско-хозяйственной Гогенгеймской академіи и въ лѣсной академіи въ Тарангѣ, гдѣ, сверхъ того, онъ изучалъ естественныя науки и слушалъ химію у профессора Штекгардта; затѣмъ графъ Вальдбургъ посѣщалъ Лейпцигскій университетъ, но война 1866 г. заставила его прекратить научныя занятія, такъ какъ онъ счелъ своимъ долгомъ стать въ ряды Виртембергскихъ войскъ.

Въ 1870 г., взявъ 6-ти мѣсячной отпускъ, графъ, въ сопровожденіи извѣстнаго естествоиспытателя, Теодора фонъ Хейглина предпринялъ путешествіе на Шпицбергенъ; земля короля Карла была осмотрѣна ими на большемъ протяженіи, нежели прежде шведами. За это путешествіе гр. Вальдбургу была дана большая золотая медаль „за искусство и знаніе“. Послѣ франко-прусской войны, въ которой графъ принималъ участіе, онъ былъ назначенъ ординарцемъ къ наслѣдному принцу германскому. Для настоящаго путешествія ему данъ двухгодичный отпускъ.

Слышали мы какъ фотографію зовутъ — *кунсткамерой*, — тарлатань — *инфузоріей*, — болѣзнь желудка — *животной болѣзью*, и т. д., но чтобъ доктора Альфреда Брема признали невѣждой *даже въ зоологiи* — не ожидали.

Гости наши провели въ Семипалатинскѣ три дня, занимаясь приготовлениями къ дальнѣйшему путешествію; обѣдали и вечера проводили у насъ. Хотя собственно главною цѣлью экспедиціи было изслѣдованіе Обской губы, низовьевъ Оби и возможности прямого водяного или сухопутнаго пути съ Оби въ Карское море черезъ Байдарацкій полуостровъ но экспедиція признала полезнымъ начать свои изслѣдованія, если возможно, съ самыхъ верховьевъ Обскаго бассейна и кстати изслѣдовать Тарбагатай, Алатау и степное озеро Алакуль, представляющее уже рѣзкое отличіе отъ Обскаго бассейна, гдѣ встрѣчаются даже индѣйскіе виды амфибій. Съ Алакуля предполагалось проѣхать долиной Емила въ Зайсанскій постъ, на Черный Иртышъ, озеро Зайсанъ, на Усть-Каменогорскъ, Зыряновскій рудникъ; оттуда верхомъ перевалить черезъ Холзунскія горы на Уймонъ, пройти по р. Катунѣ, вверхъ по р. Чу, перейти на Башкаусъ къ Чулышману, спуститься на Телецкое озеро и оттуда, черезъ Бійскъ, проѣхать въ Барнауль. Но такъ какъ началъ, никъ экспедиціи ставилъ непремѣннымъ условіемъ прибыть въ Барнауль къ 5-му іюня, чтобъ экспедиція къ 25-му іюня могла уже быть въ Обдорскѣ, то ближайшее разсмотрѣніе подробной карты и приблизительное исчисленіе разстояній убѣдили въ невозможности этого предположенія. Поэтому гг. члены экспедиціи приняли предложеніе моего мужа, — съ Чернаго Иртыша, пройти по южному склону Курчумскаго хребта на озеро Маркакуль, особенно ихъ интересовавшее, перейти черезъ южный Алтайскій хребетъ однимъ изъ переваловъ, Чургутъ-асу или Бурхатскимъ, въ Бухтарминскую долину, и черезъ Алтайскую станицу, захавъ въ Зыряновскій рудникъ, спуститься Иртышемъ въ Усть-Каменогорскъ, откуда ѣхать почтовымъ трактомъ въ Барнауль.

Путь экспедиціи въ Сергіополь проходилъ черезъ Аркадъ, группу невысокихъ гранитныхъ горъ, высотой до 1200 футовъ, гдѣ держится *архаръ* (*Ovis argali*), горный баранъ, животное совершенно неизвѣстное въ Европѣ, — даже не во всѣхъ зоологическихъ музеяхъ есть его чуцелы, съ замѣчательными, доходящими до пуда вѣсу, рогами. Нашимъ гостямъ было предложено устроить на Аркадѣ охоту на этого звѣря, на что они съ удовольствіемъ согласились.

20-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, члены экспедиціи, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ, выѣхали изъ Семипалатинска. Большое общество охотниковъ, между которыми были и дамы, уѣхали днемъ ранѣе; съ ними уже поѣхалъ И. Ф. Каменскій, отправлявшійся черезъ Кульджу въ Китай, съ торговыми и научными цѣлями. Переправившись на паромѣ черезъ Иртышъ, наши ученые гости въ первый разъ вступили въ Киргизскую степь и первое знакомство съ нею произвело очевидно пріятное впечатлѣніе.

Быль ясный, солнечный день и степь, обыкновенно мало оживлен-

ная, въ своемъ грандіозномъ просторѣ, теперь жила во всю ширь весны. Цѣлая масса пернатыхъ населяла ее. Въ каждой низинѣ стояло озеро, на которомъ копошились и перелетали тучи пролетной птицы; въ каждомъ кустарникѣ шибетали пташки; въ воздухѣ звенѣли жаворонки, плавными кругами кружили сокола, высматривая добычу.

Иностранцы нѣсколько разъ выходили изъ экипажей стрѣлять птицъ, представлявшихъ для нихъ новыя или мало изслѣдованные виды и роды. Переѣздъ этого дня доставилъ значительную орнитологическую добычу: жаворонки четырехъ видовъ, въ томъ числѣ черный (*Alauda tartarica*), турнаны, полевые рябки, полевые кулики и проч. Со всѣми этими задержками, экспедиція пріѣхала только къ 11 часамъ ночи въ Аркады, гдѣ, въ хорошенькой долинѣ, недалеко отъ горъ, расположился охотничій лагерь. Роскошно убранныя коврами и тикиметями, юрты кажутся удивили иностранцевъ, очевидно представлявшихъ себѣ *юрту* чѣмъ то весьма грязнымъ и жалкимъ.

Наканунѣ киргизъ-охотникъ убилъ великолѣпнаго, 5-ти лѣтняго самца архара. Всѣ бросились его разсматривать и киргизъ подъ руководствомъ д. Финша и Брема, снялъ съ него шкуру. Кромѣ того киргизы поймали живьемъ двухъ ягнятъ-аргали, 5 — 6 дневныхъ. Члены экспедиціи просили отправить ихъ въ Семипалатинскъ, откуда они надѣялись доставить ихъ въ Берлинскій Зоологическій садъ; но, несмотря на весь уходъ, аргали не выжили и 4-хъ недѣль — замытились и передохли.

На слѣдующій день, сборы, завтракъ, препарированіе снятой съ архара шкуры и убитыхъ наканунѣ птицъ, заняли немало времени, такъ что сѣли на лошадей только къ полудню. Человѣкъ двѣсти киргизовъ загонщиковъ отдѣлились, чтобъ прогнать отдѣльную группу горъ, занимающую версть 10-ть въ поперечникѣ, гдѣ, по словамъ киргизъ, наканунѣ видѣли архаровъ. Предоставляю описаніе этой охоты одному изъ участвовавшихъ въ ней.

Выѣздъ нашъ со стоянки представлялъ красивую, оживленную картину: человѣкъ 20-ть охотниковъ и дамъ верхами, масса киргизъ въ яркихъ пестрыхъ костюмахъ; долина, покрытая волнующимся, какъ снѣлая рожь, чѣмъ, у ручьевъ и въ низинахъ густыя заросли кустовъ, роскошныя травы и цвѣты, — сѣрыя скалы въ причудливыхъ наслоеніяхъ, вырѣзающіяся на синемъ фонѣ неба — и все это залито лучами яркаго апрѣльскаго солнца. Но не успѣли мы отѣхать 3-хъ верствъ, какъ замѣтили самыя неприятыя предвѣстія, знакомыя всѣмъ путешествовавшимъ въ горахъ: вершины горъ закурились и векорѣмъ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ (20-го апрѣля)*). На счастье, гроза застала

*) Вообще этотъ годъ у насъ замѣчательнъ въ метеорологическомъ отношеніи. Первая гроза была 20-го апрѣля, а послѣднюю грозу мы видѣли 5-го октября въ Колбинскихъ

нась около киргизской зимовки, въ которую и укрылись отъ ливня. Иностранцы обошли и вылазали всю зимовку, далеко не соотвѣтствовавшую роскоши выставленныхъ юртъ; но они весьма интересовались ею и спрашивали очень подробно.

Черезъ часъ ливень прекратился, снова прояснѣло. Охотники отправились далѣе, а дамы, вѣроятно, убоясь дождя, перешли въ юрту, поставленную на условленное для сбора мѣсто. Проѣхавъ отъ юрты версты двѣ, охотники стали занимать свои мѣста. Здѣсь горы представляли двѣ отдѣльныя группы, раздѣленные лощиною, версты три длиною,—сначала широкою и отлогою, а подъ конецъ сходящуюся въ тѣсное ущелье. По всемъ охотничьимъ соображеніямъ, архары, крайне неохотно идущіе на равнину, должны были, уходя отъ облавы, броситься въ ущелье, чтобъ пробраться на другую сторону горъ. Соображаясь съ этимъ, стрѣлки и размѣстились по скаламъ лѣваго края ущелья.

Прошло часа два, знакомаго охотникамъ, тревожнаго ожиданія. Изрѣдка, вдали по горамъ, показывались группы киргизовъ и одиночные всадники, но звѣря все не было. Облава, хотя и въ невысокихъ, но скалистыхъ горахъ, съ неопытными загонщиками, оказалась дѣломъ далеко нелегкимъ. Впрочемъ, по разсказамъ киргизъ, они видѣли нѣсколько табунчиковъ штукъ въ 5—6, но путаясь между безчисленными ущельями и ямами, никакъ не могли направить звѣрей по желаемому направленію. Вдругъ, шагахъ въ 200 передъ цѣпью, послышалось нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ и, совершенно неожиданно, два архара пронеслись между стрѣлками. Одинъ пошелъ на другую сторону горъ, другой же повернулъ и, прежнимъ путемъ, благополучно, безъ выстрѣла, прошелъ черезъ цѣпь. Вслѣдъ за архарами показался волкъ, получившій нѣсколько выстрѣловъ въ догонку.

Появленіе этихъ звѣрей было только отдѣльнымъ эпизодомъ охоты. Какъ оказалось, нѣсколько киргизъ, преимущественно старшинъ, изъ остававшихся при насъ, наскучивъ ожиданіемъ, поѣхали на встрѣчу облавѣ и, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ цѣпи, встрѣтили спокойно пасшихся аркаровъ—самца и самку съ ягненкомъ. У всѣхъ на глазахъ, ягненокъ спрятался въ скалахъ и не былъ найденъ, при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ его взять. Самецъ же и самка прорвались сквозь цѣпь. Одинъ киргизъ съ беркутомъ остался, впрочемъ, караулить ягненка и къ вечеру привезъ его, правда до половины растерзаннаго птицей.

Облава, оказалась, еще не подошла, но появленіе этихъ двухъ аркаровъ было принято большинствомъ за окончаніе охоты: всѣ сошли съ своихъ мѣстъ, сѣли на лошадей и поѣхали долиной, отдѣльными группами, къ виднѣющейся вдали юртѣ. При подъемѣ на гору, сѣдо у гр.

горахъ,—въ этотъ день съ утра мы ѣхали по снѣгу, а въ полдень разразилась гроза съ ливнемъ.

Вальдбурга свернулось, и онъ упалъ, сильно ударившись локтемъ о камень. Ушибъ былъ довольно значительный, но безъ серьезныхъ послѣдствій.

Въ то время, какъ наше разсѣявшееся воинство частью тянулось еще по долинь, а большинство уже доѣхало до юрты и, скинувъ охотничьи доспѣхи, болтало и закусывало, — на горахъ показалось шесть движущихся почекъ — архары, за которыми, съ крикомъ и гамомъ, съ разныхъ сторонъ, скакали киргизы. Арьергардные охотники поскакали наперерѣзъ имъ. Казакъ полетѣлъ къ юртѣ звать остальныхъ, но прежде нежели цѣпь успѣла снова сомкнуться, архары, шесть великолѣпныхъ рогачей, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшились спуститься съ горы; но вмѣсто того, чтобъ идти въ самое узкое мѣсто ущелья, гдѣ впрочемъ въ это время уже никого не было, не торопясь, рысцой, направились по самой широкой части долины, шагомъ перебравшись черезъ болотистый ручей, шагахъ въ 600-хъ отъ юрты, подлѣ которой собралось почти все общество, съ понятнымъ отчаяніемъ взиравшее на этотъ неожиданный пассажъ, — и скрылись въ горахъ. Напрасно многіе поскакали — одни въ догонку, другіе наперерѣзъ: кромѣ болѣе или менѣе головоломной скачки, ничего не вышло — архары, невѣжливые даже къ преслѣдовавшимъ ихъ дамамъ, — ушли.

Дѣлать вторую облаву было уже поздно; первый день охоты окончился неудачей, но, по крайней мѣрѣ, гости наши видѣли ту рѣдкую дичь, которую имъ хотѣли показать.

Во время завтрака д. Бремъ досталъ свою записную книжку и подзвавъ нѣсколько киргизовъ-охотниковъ, сталъ спрашивать ихъ, съ помощью двухъ переводчиковъ, о нравахъ и образѣ жизни архаровъ, не разъ сожалея, что вновь собранныя свѣдѣнія не попадутъ во 2-е изданіе «Жизни животныхъ», готовое уже къ печати стереотипомъ.

Проснувшись на другой день, мы увидѣли, что погода окончательно испортилась, — снѣгъ валилъ хлопьями, холодъ, вѣтеръ. Повидимому, день пропалъ, но къ полудню мятель стихла и мы рѣшились еще разъ попытать счастья въ другой группѣ горъ, образующей правую ограду долины, бывшей вчера мѣстомъ нашихъ подвиговъ.

Рѣшили отправить впередъ нѣсколько киргизовъ развѣдать, куда дѣлись вчерашніе архары, а за ними потихоньку тронулись и охотники. Дойдя до ручья, у котораго вчера былъ привалъ, расположились около костра поджидать извѣстій. Черезъ нѣсколько времени явились киргизы съ докладомъ, что архары есть, и даже пара пасется не далѣе какъ въ полуверстѣ. Отправили загонщиковъ, послали ставить охотниковъ, а я и Бремъ рѣшили попытаться *скрасть*, но здѣшнему выраженію, архаровъ, но, или мы неумѣли подобраться достаточно тихо, или насъ почуяли архары по вѣтру, но въ той долинь гдѣ ихъ видѣли, мы уже никого не нашли.

Горы, изъ которыхъ предполагалось выгнать архаровъ, выселись кру-

тими скалами, обрывающимися въ равнину чуть не отвѣсно. Въ одномъ мѣстѣ вдавалась полукруглая долина, оканчивавшаяся къ срединѣ узкимъ, скалистымъ корридоромъ; по ней группами были разбросаны отдѣльныя скалы и камни.

Въ этомъ то полукругѣ мы и расположились за камнями. Мнѣ досталось лучшее, въ охотничьемъ смыслѣ, мѣсто,—въ центрѣ полукруга, противъ самаго корридора. Вправо отъ меня, на высокій уступъ взобрался гр. Вальдбургъ; влѣво, у подножія горы,—д. Финшъ; еще лѣвѣе, противъ ущелья, раздѣлявшаго общую массу горъ отъ отдѣльно стоящей огромной скалы,—Бремъ.

Примостился я на своемъ мѣстѣ за камнями и сталъ ждать. Но скоро мнѣ сдѣлалось не до охоты; собираясь скрадывать архаровъ, я бросилъ на привалѣ свою шубу и остался въ одномъ коротенькомъ полушубкѣ; вѣтеръ дулъ рѣзкій, холодный, по временамъ шелъ снѣгъ, и я просто началъ замерзать. Несмотря на то, что совершенная тишина была первымъ условіемъ успѣха охоты—оставаться неподвижно я былъ не въ силахъ и, чтобы сколько нибудь согрѣться, сталъ ходить взадъ и впередъ за своимъ камнемъ. Говорятъ, что въ это время два архара вышли, будто-бы, на вершину скалы, съ очевиднымъ намѣреніемъ спуститься на меня, но, видя движущійся предметъ, скрылись.

Стало уже вечерѣть; солнце передъ закатомъ выглянуло наконецъ изъ-за тучъ и ярко освѣтило мѣстность. Я сталъ подумывать, что и этотъ день не удался, пора и домой,—какъ вдругъ влѣво рѣзко прекатались два штуцерные выстрѣла. Глядимъ—отъ д. Брема мелкой рысцой идетъ архаръ-самка съ ягненкомъ; перейдя поляну, сзади линіи охотниковъ, звѣрь разсчитывала снова вернуться въ горы на правомъ краю полукруга. Ему то д. Бремъ и послалъ въ догонку два выстрѣла, изъ которыхъ одинъ, войдя въ заднюю лопатку, вышелъ въ грудь. Несмотря на такую рану, архаръ продолжалъ идти сначала рысцой, потомъ шагомъ. Всѣ мы,—Бремъ, Финшъ, Вальдбургъ и я, двинулись ему наперерѣзъ, но прежде, чѣмъ успѣли добѣжать, одинъ конный киргизъ бросился за нимъ, архаръ пустился вскачь и, вмѣстѣ съ ягненкомъ, бойко взобрался на скалу, саженъ пятнадцать вышиною. Тѣмъ временемъ, Бремъ успѣлъ уже стать на дальнѣйшемъ пути ему въ горы. Какъ только архаръ показался на краю скалы—еще выстрѣлъ, на этотъ разъ въ шею, и звѣрь красиво рухнулъ со скалы, перевернувшись въ воздухѣ черезъ голову; мы видѣли, какъ испуганный ягненокъ бѣгалъ по небольшой верхней площадкѣ скалы и наконецъ исчезъ куда-то. Нѣсколько киргизовъ полѣзли его искать, слышали какъ онъ блеялъ гдѣ-то, но и на этотъ разъ отыскать не могли—такъ ловко умѣетъ таиться животное въ расщелинахъ скалъ, съ которыми совершенно сливается по цвѣту шерсти.

Убитую архарицу ввалили на лошадь, которая гнула подъ семинудовою тяжестью; пришлось привести верблюда; на него, бережно за-

вернувъ въ кошмы, чтобъ не испортить шкуры, уложили звѣря и съ торжествомъ повезли домой, на стоянку».

«*Tout est bien qui finit bien*». Счастливый исходъ охоты заставилъ всѣхъ насъ позабыть и холодъ, и ненастье; виновникъ же торжества, нашъ знаменитый гость, самъ страстный охотникъ, былъ въ восторгѣ.

— Такой случай представляется разъ въ жизни! повторялъ онъ, пожимая руки всѣмъ намъ.

Вернувшись къ юртамъ, всѣ собрались къ ужину. Послали за киргизскимъ пѣвцомъ, который пѣлъ импровизаціи и пѣсни аккомпанируя себѣ на домбрѣ. Бремъ, особенно интересовавшійся этими пѣснями, записывалъ ихъ слово въ слово. Послѣ ужина, охотники придумали оригинальное состязаніе въ стрѣльбѣ: поставили зажженную свѣчку на поднятый верхъ тарантаса и стали тушить ее пулей. Побѣдителемъ остался А. П. Желѣзновъ, нашъ *heiter-denkender polizeimeister*, какъ назвалъ его д. Бремъ въ одной изъ своихъ импровизацій. Хотя стрѣляли изъ магазиннаго ружья Винчестера, которое Желѣзновъ первый разъ взялъ въ руки, онъ, съ перваго выстрѣла, въ тридцати шагахъ, срезалъ свѣтильню.

На слѣдующей день была байга и борьба болвановъ (борцевъ).

Все свободное время, прежде и послѣ этихъ зрѣлищъ, члены экспедиціи, въ особенности д. Финшъ, занимались пренариваніемъ убитыхъ архаровъ и птицъ. Ящерицъ же, вообще всякихъ амфибій и рыбъ, заворачивали бережно въ бумагу, надписавъ когда и гдѣ поймана, затѣмъ завязывали въ тряпку и опускали въ жестянки со спиртомъ.

На слѣдующій день мы разъѣхались: экспедиція черезъ Сергіополь на Алакуль; Н. Ф. Каменскій—въ Кульджу, а мы, семипалатинцы, обратно въ нашъ Семиге (киргизское названіе Семипалатинска), сговорившись съ экспедиціей съѣхаться на Майтерекѣ (пограничномъ отрядѣ, на южномъ склонѣ Курчумскихъ горъ), при возвращеніи ея съ Норъ-Зайсана и Чернаго Пртыша, чтобъ вмѣстѣ пройти по Алтаю на Маркакуль.

18-го мая, наканунѣ нашего выѣзда въ горы изъ станицы Ульбинской, Устькаменногогорскаго уѣзда, мы въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ живемъ въ этихъ мѣстахъ, слышали подземный ударъ. Часовъ въ 10-ть вечера, мы сидѣли въ баракѣ, вдругъ баракъ дрогнулъ, какъ показалось нѣкоторымъ, отъ налетѣвшей на него съ карьера тройки; связи барака скрипнули, посуда зазвенѣла, стоявшіе на ногахъ ясно слышали сотрясеніе пола; вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько секундъ слышался грохотъ какъ будто отдаленнаго грома. Ударъ этотъ слышали на разстояніи верстъ ста отъ запада къ востоку.

Выѣхавъ 19-го мая изъ Ульбинска и доѣхавъ до Курчума въ экипажахъ, мы сѣли на лошадей и пошли на вьюкахъ. Переправа черезъ Курчумъ была не особенно удобна; вода была такъ велика, что о бродѣ нельзя было и думать; пришлось переправляться на киргизскомъ паромѣ изъ двухъ долбленыхъ челноковъ, связанныхъ вмѣстѣ, съ помостомъ изъ нѣсколькихъ досокъ; лошадей же перегнали вплавь. Переходъ былъ

очень утомительный; мы дошли до ночевки, идя все время ходой и рысью, только къ часу ночи; едва успѣли войти въ юрты — хлынулъ дождь и разразилась гроза.

Но что значить и утомительный переходъ, и ночь въ сырой отъ дождя юртѣ, когда со слѣдующимъ утромъ очутишься въ земномъ раю! Кто передастъ прелесть ранняго утра въ этихъ равнинахъ! Солнце льетъ потоки мягкаго, ласкающаго свѣта, чуть гдѣ тронувъ золотыми блестками еще покрытую легкимъ туманомъ рѣку, зелень и цвѣты; неясно, какъ сквозь дымку, желтѣеть, колышась, какъ снѣлое ржаное поле, чѣй, и сливается съ синѣющею далью. Воздухъ до того живительно хорошъ, что кажется умирающаго воскресить.

Мы выступили въ шесть часовъ и пошли отъ Курчума по предгорью Буконбая; вправо разстилалась Зайсанская или Иртышская котловина; по ней, мѣстами, видѣлся Иртышъ; за нимъ, на южномъ горизонтѣ, въ туманѣ синѣли вершины Саура и Мустау. Подъ вечеръ, подходя къ ночлегу, мы встрѣтили *низины*, буквально сплошь покрытыя лиловымъ, душистымъ присомъ. Охотники наши застрѣлили интересную птицу, дрофу-яноходца (какъ зовутъ ее киргизы); это небольшая дрофа съ длинными перьями, какъ жабо, около шеи. Тутъ же взяли ея гнѣздо съ яйцами. На слѣдующее утро мы узнали, что германская экспедиція ночевала верстахъ въ 10-ти отъ насъ.

До сихъ поръ мы огибали южное подножіе Алтая, теперь же повернули къ сѣверу и вошли въ горы. Съ каждымъ шагомъ впередъ природа становилась роскошнѣе: лѣсу еще не было, но цвѣты и кустарники удивляли богатствомъ и разнообразіемъ. Въ этотъ день наша ботаническая коллекція весьма увеличилась, хотя многихъ растений мы не сумѣли сохранить. Подъѣзжая къ долинѣ Сенташъ, мы нагнали хвостъ каравана экспедиціи; оказалось, что гости наши прошли уже впередъ и ждали насъ на привалѣ.

Встрѣча была самая дружеская. Они много рассказывали про путешествіе на Алакуль. Знаменитое средство добывать рыбу для коллекцій, отравляя ее стрихниномъ, оказалось вполнѣ непригоднымъ, и они добывали ее неводомъ. Д. Финшъ весьма былъ доволенъ своей поѣздкой на Алакуль и Алатау, гдѣ экспедиція достала много интересныхъ и неизвѣстныхъ имъ рыбъ, очевидно не европейскихъ породъ, между прочимъ *маринку* съ ядовитой икрой, — новыя породы ящерицъ, мелкихъ черепахъ и проч.

Съ Алакуля экспедиція отправилась на Бакты, гдѣ была встрѣчена зайсанскимъ приставомъ, который и повелъ ее черезъ Чугучакъ, по долинѣ Емиля и южному склону Тарабагатая, на Зайсанъ. Въ Чугучакѣ они были въ гостяхъ у Дзянь-дзюня Джуна.

Нашъ недавно выстроившійся Зайсанскій постъ, съ правильно разбитыми улицами, свѣженькими зданіями и арыками проточной воды, произвелъ на нихъ самое пріятное впечатлѣніе. Тутъ они охотились на ула-

ровъ, *) достали шкуру барса, убитого на Саурѣ, и вообще весьма пополнили свою коллекцію.

Съ Зайсана экспедиція отправилась въ экипажахъ на Черный Иртышъ и спустилась по немъ на карбазѣ, продолжая охотиться и дѣлать наблюденія. Масса водяной птицы, оживляющей въ это время года Иртышъ, начиная отъ рѣчнаго орла, черной цапли, лебедя, — до мельчайшихъ куликовъ и утокъ, дали возможность хорошо познакомиться съ орнитологіей этого края.

На *рыбалкѣ* нѣкоего Даньяра, Чело-казака **), издавна поселившагося въ низовьяхъ Чернаго Иртыша, экспедиція занялась изученіемъ мѣстной рыбы.

Обиліе и разнообразіе благородныхъ породъ (осетръ, карышъ, стерлядь, нельма, тальмень и проч.) поразило ихъ, не менѣе какъ полное неумѣнье готовить рыбу и икрувъ прокъ. Наши рыбаки не умѣютъ даже коптить рыбу, ограничиваясь ее засаливаньемъ и вяленьемъ на солнцѣ.

Переплывъ озеро Зайсанъ на карбасѣ, экспедиція высадилась на сѣверномъ берегу и двинулась по Зайсанской долинѣ, къ Майтереку.

Долина эта бесплодная и безводная, мѣстами покрытая солонцами, а въ большинствѣ мелкимъ кварцемъ, имѣетъ всѣ характеристическія особенности Гоби, и населена безчисленнымъ количествомъ ящерицъ. Тѣмъ не менѣе этотъ переходъ былъ весьма интересенъ гг. зоологамъ, такъ какъ они увидѣли стадо кулановъ и охотились за ними, хотя и неудачно. Послѣ скачки на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, удалось догнать только жеребенка нѣсколькихъ дней; его взяли живымъ, но отъ изнуренія онъ издохъ въ тотъ же вечеръ.

По поводу кулановъ мнѣ вспомнился анекдотъ, бывший съ д. Финшемъ на Зайсанѣ. Всѣ члены экспедиціи, хоть плохо, но могли объясняться по русски, и между прочимъ смѣяся говорили, что они особенно хорошо запомнили одно русское выраженіе «ничего!»—слышанное ими въ первый разъ отъ ямщика, въ то время, какъ они лежали подъ опрокинутымъ экипажемъ. На Зайсанѣ д. Финшу достали убитого кулана; онъ тщательно снялъ съ него шкуру, для чучелы, и велѣлъ положить сушить,—но ночью кто-то умудрился обрѣзать кулану хвостъ. Д. Финшъ, крайне раздосадованный этимъ происшествіемъ, съ огорченіемъ воскликнулъ: «Das ist schon — нѣтъ ничего!»

*) Горная индѣйка.

***) Подъ общимъ именемъ *чело-казакъ* здѣсь извѣстны потомки, по большей части бѣглыхъ горцевъ, татаръ, крестьянъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ, бѣглыхъ солдатъ, даже каторжниковъ, которые издавна, еще до принятія въ русское подданство, водворились въ этомъ пустынномъ въ то время краѣ, въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ двухъ смежныхъ государствъ. Смѣшавшись съ киргизами, они приняли ихъ костюмъ и нравы, образовавъ почти новый этнографическій видъ. Между женщинами я видѣла блондурихъ и голубоглазыхъ. Зажиточные челоказакъ, хотя и кочуютъ, но имѣютъ отличные дома, устроенные на манеръ татарскихъ, и многіе изъ нихъ занимаются торговлей.

Отдохнувъ на привалѣ, мы пошли на Майтерекъ. Интересные рассказы нашихъ гостей, красивая мѣстность, множество новыхъ для насъ видовъ растений и птицъ сдѣлали эту часть перехода, обыкновенно самую утомительную, совершенно незамѣтной. Вѣроятно только д. Финшъ и до сихъ поръ лихомъ вспоминаеть меня за этотъ переходъ.

Видимъ мы въ кустахъ, близъ дороги, сидитъ прехорошенькая птичка, ярко-красная съ хохолкомъ на головѣ; мы придержали лошадей, чтобъ полюбоваться ею, вдругъ я слышу: «*Мартинъ*—дай ружье». Я, забывъ и обязательную любезность хозяйки къ гостю и пользу науки, толкнула лошадь въ кусты, и подъ видомъ желанія разсмотрѣть пташку поближе, спугнула ее и ея самочку, порхавшую тутъ же. Я слышала скорбный возгласъ д. Финша, но дѣло уже было сдѣлано.

На другой день на Майтерекъ шелъ инспекторскій смотръ и ученье казачьему отряду, а у уѣзднаго начальника происходилъ съѣздъ трехъ волостей. Иностранцевъ все это очень занимало. Несмотря на дождь, они ходили и разсматривали массы собравшихся киргизовъ.

Киргизы принесли нѣсколько экземпляровъ звѣрей: живыхъ лисенятъ, волчатъ, сурковъ, и тутъ же былъ вырытъ, по указаніямъ д. Брема, «слѣпышъ» (*Spalax*), повидимому рѣдкое и мало изслѣдованное животное.

Всю ночь и весь слѣдующій день лилъ дождь. По общему совѣту рѣшили простоять еще день на Майтерекѣ. Экспедиція приводила въ порядокъ свои коллекціи и писала путевыя замѣтки и письма. Д. Бремъ пишетъ свои замѣтки и письма стенографически, переписываетъ же ихъ *м-ше* Бремъ, нарочно выучившаяся для этого стенографіи.

Къ ужину всѣ собрались въ столовую юрту, гдѣ, несмотря на сырость и холодъ, и то, что всѣ сидѣли на коврахъ, и столъ, т. е. скатерть, была накрыта на коврѣ же—право было веселѣе и пріятнѣе чѣмъ подъ часъ въ самомъ комфортабельномъ салонѣ, даже и столичномъ.

Д. Финшъ рассказывалъ про свое путешествіе въ Скалистыхъ горахъ; гр. Вальдбургъ и д. Бремъ—различные эпизоды изъ своихъ путешествій, охоты. Между прочимъ д. Бремъ вспомнилъ одинъ случай, бывший съ нимъ во время управленія берлинскимъ зоологическимъ садомъ.

Датскій король прислалъ въ подарокъ саду великолѣпнаго бѣлаго королевскаго оленя. Приручить это животное, несмотря на всѣ старанія, оказалось невозможнымъ. Онъ былъ до того золъ, что даже проходить мимо его загородки было небезопасно: любимымъ его занятіемъ было—бить съ разбѣга рогами въ желѣзную рѣшетку клѣтки. Особенно не терпѣлъ онъ Брема: довольно было животному увидеть его или услышать звукъ его голоса, чтобъ придти въ ярость. Однажды, проходя по саду, въ то время когда въ немъ было много посѣтителей, Бремъ видитъ, что у этого оленя стоитъ дама съ дѣвочкой, лѣтъ семи; малютка, стоя плотно около рѣшетки, просунула всю рученку, выше локтя, сквозь желѣзные прутья, подманивая страшное животное.—Видя опасность, которой подвергался ребенокъ, я пришелъ въ ужасъ, — рассказывалъ д.

Бремя, не знаю какъ предупредить несчастіе: подойти и отвести ребенка, закричать имъ невозможно, — животное разсвирѣпѣеть въ ту же минуту и убьетъ ребенка или, самое меньшее, переломитъ протянутую въ загородку ручку. Я быстро подошелъ къ одной изъ прогуливавшихся дамъ. — «Прошу васъ — дайте мнѣ вашу шаль!» Дама удивленно на меня посмотрѣла. — «Я прошу васъ, дайте шаль! я директоръ сада!» — И, схвативъ шаль съ плечъ растерявшейся дамы, я накинулъ ее себѣ на голову и поспѣшно подошелъ къ матери ребенка. — «Бога ради, возьмите еію секунду вашу малютку прочь!» прошепталъ я ей на ухо. И эта дама также растерялась совершенно, не зная что подумать объ этомъ маскарадѣ. — «Я вамъ приказываю! Я директоръ сада!» продолжалъ я ей шептать на ухо. — Не успѣла мать отдернуть ребенка, я сбросилъ съ себя шаль и въ ту же минуту желѣзные прутья зазвенѣли подъ ударами роговъ».

Но и это свирѣпое животное нашло себѣ побѣдителя. Привезли въ зоологическій садъ изъ Америки громаднаго Вапити и помѣстили рядомъ съ свирѣпымъ бѣлымъ оленемъ, который тотчасъ всю свою ярость обратилъ на новаго сосѣда, и наконецъ сбиль рогами раздѣлявшую ихъ деревянную перегородку и бросился на Вапити. Тотъ спокойно выдержалъ двѣ атаки; наконецъ бросился самъ на врага, поднялъ его на рога и, нѣсколько разъ ударивъ объ стѣну, бросилъ на землю. — «Ну, мы обрадовались, что этотъ дьяволъ поконченъ: онъ лежалъ въ крови, безъ движенія, высунивъ языкъ, съ переломанными ребрами. Чтожъ бы вы думали? — Ожилъ! Черезъ мѣсяцъ дрался по прежнему».

25 мая мы выступили съ Майтерека; съ утра погода была ясная. солнце ярко свѣтило и только мы хотѣли порадоваться на впечатлѣніе которое очевидно производилъ нашъ красавецъ Алтай на иностранцевъ. поднялась такая погода, что именно свѣта Божьяго не стало видно. Дождь лилъ не изъ ведра, не изъ ушата, а цѣлое море опрокинулось на насъ. Мокли мы, мокли, наконецъ силъ никакихъ не стало — рѣшили взобраться на гору, подъ защиту густаго листовнаго *колка*, раскинули между деревьями небольшую кашгарскую палатку и скрылись въ нее. Перчатки, платки, плащи, зонтики, казаки сушили, или вѣрнѣе подпаливали надъ кострами. Да и костры-то едва развели. Наконецъ закипѣлъ чайникъ, подали чай и мы отогрѣлись немножко. Тѣмъ временемъ ливень смѣнился густымъ снѣгомъ, но черезъ какіе-нибудь полчаса непогоду точно рукой сняло: засинѣло небо, заблестало солнце и сквозь темную чернь хвойнаго лѣса засверкали снѣжныя вершины. Только мокрые наши кони, плащи, да снѣгъ подъ ногами въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ не разогрѣло солнышкомъ, да смокшая трава, напоминали принятый нами душъ.

Дорога пошла трудная; скользкіе спуски опасны; надо особую сноровку, чтобъ спускаться, особенно по травѣ: гдѣ вести лошадь зигзагами, гдѣ придержаться за «патвей», чтобъ при прыжкѣ лошади внизъ, не перелетѣть черезъ голову. Наши же гости были не особенно опытные

паѣздники въ горахъ. Впрочемъ и очень опытный и отличный паѣз-никъ, нашъ heiter denkender polizeimeister, Желѣзновъ, не придержался на такомъ прыжкѣ и «поймалъ налива», по казачьему выраженію.

Къ моему большому сожалѣнію, объ фотографіи нельзя было и думать: надо было спѣшить, чтобъ придти засвѣтло на ночлегъ. Проводники качали головами, повторяя: «Джаманъ джоль, джаманъ!» (дурная до-рога, дурная!). А если у киргиза или алтайскаго звѣровщика дорога при-знается дурной, то сомнѣваться въ ея достоинствѣ нечего. Дошли мы до Джаманъ-Джоль; это тропинка, идущая ущельемъ по берегу горной рѣчки; въ это время года рѣчка ревѣла и несла съ бѣшенымъ потокомъ; вся тропочка состояла изъ большихъ камней, мокрыхъ и скользкихъ, мѣстами заваленныхъ глыбами снѣга. Нѣсколько лошадей, поскользнувшись, упали. Дѣйствительно джаманъ-джоль, — признались мы всѣ единогласно.

Наконецъ вышли изъ ущелья, перешли сердитую рѣчку въ бродъ и вошли въ живописную долину, гдѣ были уже разставлены юрты.

Послѣ обѣда, онъ-же и ужинъ, пригласили къ чаю, въ столовую юрту, киргизскихъ старшинъ. Одинъ изъ нихъ, потомокъ знаменитаго батыря Барака, имя котораго до сихъ поръ служить боевымъ кликомъ ихъ рода, — грамотный и считающійся чуть не святымъ, старикъ Алтыбай вель, разумѣется черезъ переводчиковъ, долгую бесѣду съ д. Бремемъ. Въ заключеніе Бремъ прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ Корана. Заслы-шавъ стихи, наши киргизы принялись совершать бату (молитву).

Узнавъ, что «Улькунъ-нѣмецъ» (большой нѣмецъ) читаетъ коранъ, и мало того, объясняетъ его ихъ ученому Алтыкѣ (сокращенное Алтыбай) — киргизы обступили юрту, какъ пчелы улей, безъ церемоніи приподняли и раздвинули кошмы — и кругомъ и около насъ появились улыбающіеся скуластыя киргизскія фізіономіи, съ несказаннымъ удовольствіемъ и лю-бопытствомъ внимающія бесѣдѣ своего Алтыкѣ съ Улькунъ-нѣмцемъ. Д. Бремъ, спрашивая Алтыбая про обычаи киргизовъ, дѣлалъ сравненія съ обычаями арабовъ, между которыми онъ жилъ пять лѣтъ; при этомъ рассказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своего пребыванія между ними.

По мѣрѣ того какъ переводчикъ переводилъ Алтыбаю рассказъ Брема, этотъ рассказъ передавался киргизами, всунувшими свои лица въ юрту толпѣ окружавшей ее; если было что нибудь смѣшное, дружный хохотъ раздавался въ юртѣ и потомъ подхватывался кругомъ. Но вдругъ кир-гизы отхлынули отъ юрты и сидѣвшіе въ ней солидные старшины стали изъ нея выглядывать, съ видимымъ желаніемъ послѣдовать за своими. Д. Финшъ передъ юртой игралъ на гармоникѣ *); всякая новинка инте-

*) Прошлымъ лѣтомъ киргизы слышали у насъ въ Ульбинскѣ игру на роялѣ. Нельзя передать ихъ изумленія и восхищенія. Они заглядывали и подъ рояль и сами пробовали клавиши. Слава рояля и игравшаго на немъ, дѣйствительно, отличнаго музыканта, облетѣла всю степь: на всѣхъ съѣздахъ шли рассказы, что есть машина въ 1200 струнъ, (почему именно въ 1200 — неизвѣстно) и есть человекъ играющій на ней двумя руками, по книгѣ,

ресуеть и тѣшить киргиза какъ ребенка, и черезъ нѣсколько минутъ д. Финшъ былъ окруженъ такой-же толпой, какъ и ученый его товарищъ. Вслѣдъ за нашими гостями и мы вышли изъ юрты. Луна освѣщала яркимъ, почти дневнымъ свѣтомъ долину, гдѣ лѣто и зима такъ чудно сливались; кругомъ сіяли снѣжныя вершины, голубоватымъ, какъ бы фосфорическимъ свѣтомъ; между исполинскими деревьями свѣтлѣли серебристыя залежи снѣга, а подъ нашими ногами разстилался коверъ роскошнѣйшихъ травъ, усѣянныхъ цвѣтами. Долина была такъ волшебна хороша, что даже такой бѣдный инструментъ какъ гармоника и простыя мелодіи, игранныя д. Финшемъ, казались необыкновенно хороши. Надо прибавить, что аккомпаниментомъ мелодій д. Финша былъ переливъ не фортепіанныхъ «Каскадовъ» и «Ручейковъ», а дѣйствительно гармоническіе всплески, грохотанье и непрерывные переливы горныхъ потоковъ.

На слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, д. Бремъ съ Желѣзновымъ, переводчикомъ и нѣсколькими казаками и киргизами, поѣхалъ впередъ на оз. Маркакуль, располагая дорогой охотиться и заѣхать на Колджиръ, единственную рѣку, вытекающую изъ Маркакуля.

Часа черезъ два послѣ нихъ двинулись, по тому-же направленію, д. Финшъ, гр. Вальдбургъ, мой мужъ и еще нѣсколько человѣкъ съ ними. Я осталась фотографировать и мнѣ назначено идти съ мѣста въ 9 часовъ. Условлено было такъ, что пройдя отъ мѣста ночлега три часа—привалъ.

Мы запоздали немножко и пошли съ мѣста на рысяхъ; прошли, по нашему расчету, пространство въ часъ, два, три, наконецъ ѣдемъ четвертый часъ въ половинѣ, а привала нѣтъ какъ нѣтъ! Что если вышло недоразумѣніе, всѣ съѣхались на привалъ, отзавтракали и ушли впередъ—тогда плохо наше дѣло, до ночлега придется идти на пищѣ св. Антонія. Прошли мы два ущелья съ такими-же «джаманъ-джоль» какъ вчера; поднялись на высоту: кругомъ виднѣются зеленныя горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ, вправо чернѣетъ глубокое ущелье Колджира; еще правѣе назадъ, уже за Иртышемъ, верстахъ въ 80-ти отъ насъ, виднѣются пески Бозайсыръ и за ними вершины нашихъ старыхъ знакомыхъ Мустау и Саура. Но намъ не до нихъ, не до красотъ природы: у всѣхъ одна мысль—«гдѣ-же привалъ?» Вдругъ—о радость! на одной изъ высотъ наша синяя палатка и около нея вьется дымокъ—рисующій воображенію висящій надъ огнемъ чайникъ и равносильный для путешествующихъ сказочной *живой воды*, чай.

Такъ какъ насъ и снѣгомъ осыпало и холоднымъ вѣтромъ прохватило, то эта картина если не изъ замѣчательныхъ по красотѣ, была для насъ несказанной пріятности. Всѣ хмурыя и озабоченныя фізіономіи распустились въ пріятнѣйшую улыбку, но не надолго; только соскочили съ лошадей и вошли въ палатку, какъ фізіономіи вытянулись хуже прежняго. Въ палаткѣ поданъ завтракъ, но, очевидно, къ нему никто не прикасался. Это выходитъ—нашимъ спутникамъ идти на пищѣ св. Анто-

нія? Въ партіи голодныхъ будетъ и мужъ, и сынъ и гости. Разумѣтся виновны будутъ *сытые*. Съли мы всѣ пригорюнясь около разосланной на коврѣ скатерти и такъ аппетитно смотрящихъ яствъ и принялись за самое неразумное: толковать о томъ, кто виновать? Люди отправленные съ палаткой и поварь, по ихъ словамъ, не виноваты; прошли какъ приказано три часа, не нашли никого, прошли еще часъ и стали. Мы сдѣлали тоже самое, по нашему выходить и мы правы; но голодающимъ отъ этого не легче. Раздѣлили завтракъ на три части, завязали въ салфетки и сдали киргизамъ, велѣвъ скакать на розыски нашихъ. Сами наскоро позавтракали, залили горе чаемъ и снова пошли, гдѣ только можно рысью, гдѣ и вкачъ; ужъ какъ моя фотографія уцѣлѣла на этомъ аллюрѣ—Богу извѣстно.

Не прошли и трехъ верстъ, видимъ въ лощинѣ около рѣчки маленькая фигурка, сидящая на камнѣ и около нее казакъ: у обоихъ лошади въ поводу. Подскакали къ нимъ—это мой Саша. Оказалось—вторая партія нашихъ, т. е. мужъ, д. Финшъ и гр. Вальдбургъ просидѣли на этомъ мѣстѣ часа полтора въ чайни привала, не вѣдая, не чья, что онъ ихъ ждалъ за переваломъ, что «счастье было такъ близко—такъ возможно!» Наконецъ, потерявъ терпѣнье, они пошли далѣе, оставивъ Сашу съ казакомъ, чтобъ указать намъ, послѣдней и, по ихъ соображеніямъ, самой бѣдствующей партіи,—по какому направленію идти. Дорогъ на Маркакуль нѣсколько и можно разойтись на большое пространство.

Одинъ изъ посланныхъ съ завтракомъ проскакалъ по этой же лощинѣ. Саша догадался его остановить и отдѣлилъ себѣ и казаку перекусить. Вотъ ужъ двое изъ голодающихъ и накормлены, вѣроятно киргизы не замедлятъ нагнать и остальныхъ. Все въ порядкѣ! Снова весело и бодро пошли, хотя дорога дѣлалась все хуже и хуже. Вершинами, какъ мы ходили въ 70-мъ году, идти было нельзя,—онѣ завалены снѣгомъ. Пришлось пробираться косогорами, спускаться въ ущелья и переходить броды. Часто попадали въ такой снѣгъ, что лошади проваливались по брюхо. Наконецъ, подошли къ крутому спуску; верхняя его часть была сплошная снѣговая масса. Киргизъ сунулся спускаться на лошади, но оказалось невозможно—лошадь покатилась. Дѣлать нечего, сошли съ лошадей, бросили имъ поводъ на шею и предоставили дѣйствовать по собственному разумѣнію. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ завернулся плотнѣе въ кожанъ, сѣлъ на край спуска вытянувъ ноги и полетѣлъ внизъ будто на катальной горкѣ. Его примѣру послѣдовали, волей неволей, всѣ; кто долетитъ до низу—тамъ товарищи подхватятъ и на ноги поставятъ. Казаки потѣшались ужасно: «Ай маслянка!»

По мѣрѣ того какъ стали подходить къ главному перевалу, подъемы и спуски становились все круче и круче; утомились и мы, и наши лошади, наконецъ выбрались на широкую долину; съ нея Маркакуль виденъ во всей своей величавой красѣ: его синія воды, зеленая рамка лѣсовъ и амфитеатръ каменистыхъ и снѣговыхъ горъ.

Тутъ насъ встрѣтилъ киргизъ и передалъ мнѣ просьбу мужа снять фотографію съ этого пункта озера. Но задача оказалась нелегкая, надо было снимать на три стекла, пока-же ставили палатку и проч., поднялся вѣтеръ съ мелкимъ снѣгомъ и мгновенно вся прелестная картина потускнѣла. Полтора часа мы простояли, дѣлая попытки снять въ промежутки когда переставалъ снѣгъ. Перепортила я стекло много, а толку не вышло никакого. Только все мы посинѣли или, по казачьему выраженію, *почернѣли* отъ холода. Хорошо еще, что одинъ сострадательный челоказакъ, ѣхавшій изъ Кобдо и расположившійся пить чай подъ горой, на которой мы снимали, поднялся къ намъ и угостилъ насъ и нашихъ провожатыхъ.

Чай пили кирпичный, отвратительный, безъ сахару; вяленую баранину, которой онъ насъ подчивалъ, дома и въ ротъ бы не взяли, а тутъ обрадовались точно Богъ знаетъ чему. Съ семи часовъ утра, то работая съ фотографіей, то подвигаясь впередъ, на половину на рысяхъ, по непризнаваемой просвѣщенными иностранцами за возможный путь сообщенія, дорогѣ,—мы, къ шести часамъ вечера, порядочно устали. Но Маркакуль передъ нами, а тутъ и ночлегъ.

Каково-же было наше разочарованіе, когда, дойдя въ сумеркахъ до Маркакуля, мы узнали, что ночлегъ на Маркакуль-то—вѣрно, да только надо обогнуть около озера еще 17-ть верстъ! Совѣмъ неприятный сюрпризъ.

Дорога пошла, хотя и ровной, но болотистой мѣстностью, а присланный намъ на встрѣчу А просить скакать быстрѣе, чтобъ пока не совѣмъ стемнѣло пройти карнизъ надъ озеромъ.

Я помнила этотъ карнизъ, и какъ ни жаль мнѣ было моихъ уставшихъ дѣтей, пришлось скакать.

Утомленные лошади спотыкаются, скользятъ, кажется еслибъ не стыдно, заплакала.

Доскакали до карниза; хоть темно, но все-же видно подъ ногами. Тутъ насъ встрѣтилъ продрогшій, ожидая насъ, Желѣзновъ: ему болѣе чѣмъ кому нибудь памятенъ карнизъ надъ Маркакулемъ; въ прошлое наше путешествіе онъ сорвался съ него съ лошадью и катились кто куда, пока не завязли въ кустахъ.

Перешли благополучно карнизъ, спустились къ озеру и снова ударили по лошадямъ; проскакали и прошли рысью порядочное пространство, обогнали вьюки какого-то китайскаго чиновника, а ночлега все нѣтъ какъ нѣтъ.

Совершенно стемнѣло; дорога пошла глинистая; у одного киргиза лошадь, поскользнувшись, упала. Дѣлать нечего, надо идти шагомъ. А тутъ, будто въ насмѣшку надъ нами, сталъ моросить мелкій дождь.

Справляемся у Желѣзнова, давно-ли пришли наши на ночлегъ. Оказалось, часа уже три-четыре, *и съ утра ничего въ ротъ не брали*, да и до сихъ поръ ѣсть нечего, такъ какъ кухня и поваръ недавно пришли

Это ужь окончательно было скверно. Хоть и не виноваты, а все-же разсчитывать, чтобъ голодные и измученные гости были довольны—трудно, а чтобъ хозяинъ въ такихъ обстоятельствахъ встрѣтилъ хозяйку любезно—невозможно.

Всѣ примолкли, только изрѣдка перекидываются:—Мама!—ты очень устала?—„Нѣтъ,“ (совершенная ложь). — А ты?— „Тоже нѣтъ,“ отвѣчаетъ слабенькій, будто заглохшій голосокъ Мани.—Саша!—да подбери же поводъ.—Саша клюетъ носомъ и ворчить.

У кого нибудь лошадь споткнется: — слышится: „о черты!“ — и щелканье нагайки.— „Что, налива поймалъ?—справляется усталый, охрипшій голосъ, но съ такой эхидной интонаціей, будто паденіе товарища не возбуждаетъ никакого чувства, кромѣ злобы.

Вотъ снова зашлепали лошади копытами по водѣ.—„Еще ручей перейдемъ—и дома“—говоритъ Желѣзновъ. Но это простое и утѣшительное замѣчаніе вызываетъ рядъ самыхъ ядовитыхъ отвѣтовъ.

Наконецъ то, наконецъ, вдали, въ темнотѣ, сверкнули свѣтлыя точки; вотъ онѣ растутъ все больше и ярче. Какъ будто и усталость и холодъ меньше; лошади положительно идутъ бодрѣе, даже казаки осипшими голосами затынули пѣсню. Вотъ пламенѣютъ костры и съ трескомъ, огненными снопами, летятъ искры; около костровъ виднѣются сбатованныя лошади и толпящійся народъ. Наши лошади заржали и прибавили шагъ. На темномъ фонѣ вырисовались освѣщенные огнемъ юрты. Дома!

Мужъ и гости торопливо вышли намъ на встрѣчу. Они были сильно встревожены за насъ; о голодѣ, неудовольствіи нѣтъ и помину. Сразу всѣ стали правы: и правые, и виноватые. Снова всѣ усѣлись въ столовой юрты въ такомъ же хорошемъ расположеніи духа и веселомъ настроеніи, какъ и обыкновенно.

До нашего прихода успѣли закинуть 4 тони, небольшимъ неводомъ, который завозилъ киргизъ, вѣзжавшій въ озеро, насколько лошадь могла идти не всплывая. Поймали множество ускучей, фунтовъ по 6-ти вѣсу. Не только въ озерѣ кишѣла рыба, но и въ рѣчкѣ Теректы, впадающей въ него. Казаки руками и попонами наловили въ ней нѣсколько ведеръ харіусовъ. Ускучь чрезвычайно вкусная рыба, по опредѣленію д. Финша, новый видъ форели. Множество киргизовъ съѣхались на Маркакуль за рыбой. Они ловили ее большею частью въ Теректахъ, дѣлая запруды. Приготовляли же ее самымъ первобытнымъ способомъ, распластывали, вычищали и вялили на солнцѣ, развѣшивая на тонкихъ палочкахъ. Орлы также охотятся за рыбой, но выклевываютъ ей только глаза и бросаютъ.

На слѣдующее утро мы узнали, что Бремъ, сдѣлавшій переходъ еще больше нашего, такъ какъ заѣзжалъ на Колджиръ, заболѣлъ.

Рѣшили остаться на мѣстѣ до полудня, отобѣдать, и перейти верстъ двадцать на ночлегъ, на озерѣ-же. Въ столовой юртѣ за утрен-

нимъ чаемъ прибавилось гостей: прїѣхали китайскіе чиновники и неподанные, или какъ казаки ихъ называютъ *невѣрноподанные* киргизы.

Китайскій чиновникъ презентовалъ нѣсколько чашечекъ и разныхъ лакомствъ. Отвѣдать ихъ трудно было рѣшиться, такъ они отзывались кунжутнымъ масломъ. Только сушеные фрукты были удобосѣдобны.

Поставили мою фотографическую палатку и я, несмотря на сѣренькій день и грозящій дождь, попробовала снимать. Только думала я приняться за работу, ко мнѣ подошелъ уѣздный начальникъ, прося показать прїѣхавшимъ *невѣрноподаннымъ*, что я снимаю картинки: они ужасно взволновались увидя треногу и на ней машину. „Русскіе приходятъ—снимутъ машиной землю—и земля станетъ русская.“ Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ на партію нашихъ топографовъ, снимавшихъ мѣстность, гдѣ теперь Зайсанскій постъ, напали киргизы и только благодаря вмѣшательству Джанъ-Султана, ихъ не убили, хотя избили сильно.

Чтобъ окончательно успокоить нашихъ гостей, я предложила снять ихъ группой. Пришлось съ ними сѣсть и нашимъ, чтобъ убѣдить, что въ моей машинѣ нѣтъ ничего вреднаго или опаснаго. Группа вышла удачно и ихъ очень удивило и позабавило, когда я имъ показала стекло, что они могли узнавать на немъ другъ друга. Но тутъ хлынулъ такой дождь, что мы разбѣжались по юртамъ, а машину и палатку, накрывъ клеенкой и попонами, предоставили собственной участи. Подъ дождемъ снялись мы съ мѣста и подъ дождемъ выступили.

Переходъ былъ очень небольшой и легкій, за исключеніемъ одного серьезнаго спуска карнизомъ надъ озеромъ. Несмотря на дождь, нещадно насъ поливавшій, и на то, что вершины горъ были закрыты облаками, мы нѣсколько разъ останавливались, чтобъ полюбоваться Маркакулемъ. Его красивыя заливы, покрытые густымъ лѣсомъ мысы, скалистые карнизы и декорація громадныхъ горъ представляютъ столько прелестныхъ картинъ, что нельзя довольно насмотрѣться на него.

Остановились на ночлегъ на полянѣ, среди небольшого лѣска, близъ озера и, къ величайшему сожалѣнію, узнали, что люди, пришедшіе незадолго до насъ, съ нашими юртами и вьюками, выгнали изъ этого лѣска двухъ медвѣдей. Еслибъ сопровождавшій юрты В. распорядился во время отрѣзать имъ дорогу въ горы, могла выйти чудесная охота. Дождь продолжалъ лить. Намъ, какъ дамамъ, уступили первую поставленную юрту и хотя мы усердно приглашали всѣхъ нашихъ спутниковъ укрыться въ нее, они церемонились; когда же наконецъ не выдержали и вошли, то въ такомъ промокшемъ состояніи, что казалось единственное средство ихъ просушить—развѣсить передъ кострами съ плащами и пледами.

Вскорѣ послѣ присоединенія ихъ къ намъ, дождь пересталъ. Всѣ принялись за дѣло, т. е. за просушивание. У пылающаго передъ юртами костра, Бремя просушиваетъ свою подушку и, какъ всегда, распѣваетъ

импровизации; около него Маня съ шарфомъ, развѣшаннымъ на поднятыхъ рукахъ, будто собралась станцевать, блаженной памяти, какое-нибудь рас; тутъ же Финшъ, съ своей коротенькой трубочкой въ зубахъ, и какимъ-то плащикомъ въ родѣ барсовой шкуры; тамъ Вальдбургъ и Желѣзновъ валяютъ огромную лѣсину въ костеръ, и сразу фейерверкъ освѣщаетъ поляну; пламя змѣйками бѣжитъ по хвоѣ; трещать сырые сучья и столбомъ летятъ искры въ черное, отъ нависшаго дыма, небо.

Около прочихъ костровъ тоже толпы. Всюду слышится хохоть, шутки, пѣсни, — на русскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, киргизскомъ языкахъ, а если прибавить китайскія пѣсни, пѣтя переводчикомъ, нашимъ добрымъ старикомъ Власовымъ, и арабскія изреченія изъ корана, которыми время отъ времени угощаль Бремъ пріятеля своего Алтыбая, то право до смѣшенія языковъ было недалеко.

Вальдбургъ спасаль свои ботаническія коллекціи съ истиннымъ самоотверженіемъ: онъ сохранялъ ихъ заворачивая въ свою шубу. Не знаю, много-ли онъ сохранилъ, но сборъ Мани почти весь погибъ отъ сырости, несмотря на то, что она почти каждый вечеръ аккуратно перекладывала растенія въ сухую, т. е. въ возможно сухую бумагу.

На другое утро Бремъ и Желѣзновъ уѣхали въ горы искать вчерашнихъ медвѣдей.

Финшъ былъ въ восторгѣ, что убилъ какую-то совершенно неизвѣстную ему пташку; мнѣ показалось въ родѣ нашего воробья, только съ бѣлымъ ожерельемъ вокругъ шеи и красенькой головкой.

На каждой стоянкѣ пополнялись коллекціи Бременской экспедиціи и самими членами, и киргизами, и казаками, которые тащили имъ со всѣхъ сторонъ звѣрковъ, насѣкомыхъ, птицъ. Кстати тутъ упомянуть объ слышанномъ нами обвиненіи, будто экспедиція скупно платила за доставляемые экземпляры. Я могу сказать, что видѣла: они не бросали деньги, но платили за всѣхъ звѣрковъ и т. д., которыхъ имъ приносили массами—нужныхъ и ненужныхъ.

На этомъ ночлегѣ мужъ заболѣлъ лихорадкой. Киргизы, посланные развѣдать дорогу на Бурхатъ или Чурчуть-асу, вернулись съ неутѣшительнымъ извѣстіемъ: броды черезъ Курчумъ и Кара-кабу немислимы, вода слишкомъ велика, о карнизѣ надъ Кабой думать страшно, особенно когда съ нами нѣсколько не вполне опытныхъ ѣздоковъ, да больной. Оставалось идти Джеты-кезеньями, но и тутъ проводники сомнѣвались можно-ли пройти, такъ какъ въ лѣсахъ около переваловъ снѣга слишкомъ глубоки. Дѣлать нечего, рѣшили идти Кезеньями.

На слѣдующее утро погода сжалилась надъ нами: дождь шелъ, но маленькій. До полдненьки шли почти все время берегомъ озера; по немъ плавали тучи водяной птицы, держась впрочемъ довольно далеко отъ берега.

Цвѣтовъ и кустарниковъ въ цвѣту собрали много. Саша нашелъ Вальдбургу великолѣпную орхидею. Наконецъ мы отвернули отъ озера и

вы́хали на громадную долину; по ней разбросаны были аулы; аулы виднѣлись и на высотѣ. Если бы кто вздумалъ подняться на эти высоты то снова очутился бы на долинѣ, на которой опять аулы, а надъ ними опять высятся горы. Вотъ ужъ подлинно: «а за тою за горою—лѣсъ да гора; а за тѣми за лѣсами—горы да лѣса».

Здѣсь мы встрѣтили человѣкъ сорокъ крестьянъ изъ горныхъ деревень Берельской долины, ѣдущихъ за рыбой на Маркакуль. Тѣмъ, что озеро лежитъ въ китайскихъ предѣлахъ, они, кажется, мало стѣсняются, да и вообще, кромѣ своей воли, мало чѣмъ стѣняются. Народъ развитой, большею частью зажиточный; лихіе стрѣлки и охотники, они держатся въ отношеніи своего начальства болѣе чѣмъ независимо, да и начальство-то у нихъ за горами и лѣсами! Волостное правленіе (въ Солоновкѣ) отъ нихъ въ 200 верстахъ, Бійскій исправникъ въ 700, становой (въ Согрѣ) въ 400, да какихъ верстахъ! Весной и осенью въ ихъ деревни положительно нѣтъ проѣзда, а зимой и лѣтомъ проберется только тотъ, кто можетъ сдѣлать это путешествіе верхомъ, или на лыжахъ, не стѣняясь ни карнизами, ни бродами, ни морозами, ни снѣжными буранами. Да надо чтобъ и проводники были изъ *мѣстныхъ*. Не даромъ же сюда стали уходить со временъ Екатерины II раскольники, — иные, отыскивая легендарное бѣловодье, другіе — отъ ненавистнаго для нихъ *начальства*; до сихъ поръ въ тущобахъ (*чернети*, какъ они называютъ) большого Алтая, безопасно для бѣглыхъ. До сихъ поръ въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ есть избушки-кељи, въ которыхъ спасаются отрекшіеся отъ міра. Кто бы не пришелъ къ нимъ просить убѣжища, не спрашивая кто и откуда, они даютъ пріютъ и хлѣбъ. Хлѣбъ сдѣланъ изъ древесной коры и ягодъ калины или черемхи, даже съ косточками, съ небольшой примѣсью муки! Я видѣла такой хлѣбъ: онъ твердъ какъ камень; не понимаю, какъ можно жить питаюсь имъ. Правда, что Алтай такъ богатъ и звѣремъ, и птицей, и рыбой, и всякими ягодами, что пропитаться въ немъ можно. Къ тому же кругомъ горы покрыты ихъ любимымъ Алтай-чаемъ (баданомъ).

Иногда въ непроходимомъ лѣсу случайно набредутъ на избушку, толкнутся въ дверь, въ избушкѣ лежитъ скелеть. «Давно, значить, умеръ, сердечный, и схоронить было некому.» Кто набредетъ, тотъ и схоронитъ.

До сихъ поръ между крестьянами этихъ деревень полный самосудъ, особенно въ отношеніи киргизъ. *Пытать* киргизъ—дѣло обыкновенное. Это лѣто я видѣла киргиза, котораго пытали два года тому назадъ въ числѣ двухъ другихъ, подозрѣваемыхъ въ кражѣ лошадей.

Разсказъ про это дѣло былъ очень наивенъ и обстоятеленъ: въ деревнѣ у одного мужика свели пару лошадей; эти киргизы были тутъ же въ деревнѣ въ работникахъ (у крестьянъ, казаковъ и особенно на золотыхъ промыслахъ въ Семипалатинской области, *все* работники киргизы). Заподозрили киргизъ въ кражѣ лошадей, взяли да и стали пытать. Пригнули веревкой киргизу пятки къ затылку, другую веревку привязали

въ избѣ къ балкѣ: подтянуть киргиза къ потолку и начать крутить — крутятъ, крутятъ, хватаютъ объ полъ, да съизнова. Пытали, пытали, а лошадей то и нашли тутъ же у своего мужика. — Ну, что-же? «Ничего,—двое помирились, одинъ пошелъ жаловаться. — Что-же? «А что, ничего,—два года дѣло то идетъ и конца ему не видно. Да то ли еще бываетъ!»»

Да какъ и не бывать то? Если самосудомъ не разсудишься, кто же разсудить? Терпѣть пока терпится, потому самосудъ тоже бѣдовое дѣло, до убійства недалеко. А тамъ что? Да, все то же. Если къ начальству—годами тянуть да тягать будутъ. А начальству что дѣлать? Которое близко, не наше, — разсудить права не имѣетъ, — а *своего* и въ глаза не видели.

Второстепенные блюстители правосудія въ свою очередь говорятъ: «Съ насъ требуютъ исполненія нашихъ обязанностей, а какъ ихъ исполнишь? Пришло лѣто, можно бы объѣхать округъ, а тутъ бумага: «Приготовить къ проѣзду.» Пошла починка мостовъ, исправленіе дорогъ, приготовленіе лошадей; надо ихъ съѣздить, подъяровать, а то или не пойдутъ, какъ требуютъ по 20-ти верстъ въ часъ, или передохнуть. Затѣмъ скажи «встрѣчать и сопровождать», а тутъ пришло извѣстіе, что въ такой то деревнѣ мертвое тѣло, надо слѣдствіе дѣлать; не управился съ этими дѣлами, другое начальство ѣдетъ, опять готовить, встрѣчать и сопровождать. А кромѣ главнаго начальства сколько еще то ѣдетъ: и генералы изъ Петербурга и медицинскій инспекторъ, и инженеръ, и прокуроры и совѣтники, и по особымъ порученіямъ, и о всякомъ бумага: «позаботиться о проѣздѣ.» Да несутъ то ихъ въ что ни есть рабочую пору. А сколько лошадей загонять въ лѣто подъ начальствомъ? Совѣстливый—такъ въ жары не погоняетъ, а у кого совѣсти нѣтъ, что съ него возьмешь? Попробуй сунуться съ почтовыми правилами: по 10-ти верстъ въ часъ, да 25 руб. за загнанную лошадь—такъ и самъ свѣта Божьяго не взвидишь.

Вотъ провалило начальство; думаешь ѣхать мертвое тѣло поднимать, а тутъ донесеніе, что тамъ то деревня выгорѣла. Гдѣ-жъ тутъ дѣла разбирать? А округъ то 32 волости, изъ конца въ конецъ 800 верстъ. До дальнихъ мѣстъ и во вѣки не доберешься, а за глаза, суди—не суди, толкъ не великъ. Да притомъ и нашего брата всякаго бывало: иные въ эти мѣста и носъ показать боялись.»

Умный, предприимчивый, лихой народъ крестьяне-звѣровщики, но начальству съ ними сладить мудрено. Я знаю случаи, когда за истязаніе киргизъ сунулись было въ ихъ деревни дѣлать судъ и расправу; они приняли своего блюстителя правосудія такъ, что онъ благородно ретировался—и только. Между крестьянами много есть и пришлаго народу, отставныхъ солдатъ и т. д., принятыхъ міромъ. Всѣ крестьяне, по крайней мѣрѣ деревень: Черновой, Бѣлой, Березовки и т. д., по Бухтармѣ

и Берели исключительно старовѣры. Киргизовъ они хоть и называютъ «тамырь» (другъ) и съ богатыми водятъ знакомство и дружбу, бѣдныхъ нанимаютъ въ работники, но притѣняютъ ужасно.

Вотъ два самые употребительные способа притѣнять киргизъ.

Какой нибудь проходимецъ изъ крестьянъ или изъ пришлецовъ, приписавшихся къ обществу, заручается у Томскаго начальства позволеніемъ «селиться» на такомъ то мѣстѣ. Въ бумагѣ мѣстность обозначена довольно неясно, количество же земли, которое разрѣшено занять—и вовсе не обозначено. Приходитъ сей *переселенецъ* чтобъ, какъ они говорятъ, *облобовать* землю и выбираетъ для *земледѣльца* никуда негодную, такъ какъ хлѣбъ не родится такъ высоко въ горахъ. Ставитъ наскоро избушку на курьихъ ножкахъ и сидитъ въ ней какъ паукъ, подкарауливающий мухъ въ свои тенета. Мухи не замедлятъ попасть. Избушка поставлена какъ разъ среди киргизскихъ пастбищъ.

Начинается безконечная исторія. «Поселенецъ» гонитъ киргизовъ съ ихъ пастбищъ и, на завѣренія, что они споконъ вѣка пользуются ими, — вытаскиваетъ «*бумагу*» (по сибирски *уману*), указываетъ перстомъ на нее, потомъ на окружныя горы и доли. «И это мое, и это, и это!»

Киргизы безъ пастбищъ пропали: откочевать некуда; все мѣста заняты, да къ тому же необходимо чтобъ весной и лѣтомъ пастбища были на извѣстной высотѣ, гдѣ нѣтъ гнуса, (по сибирски, т. е. овода, строки и т. д.). Дѣлать нечего, стараются войти съ поселенцемъ-паукомъ въ соглашеніе; тотъ обираетъ ихъ какъ можетъ и затѣмъ снова гонитъ. Киргизы жалуются своему начальству, напоминаютъ, что когда ихъ приняли въ подданство, имъ обѣщали сохранить за ними занимаемыя ими урочища, что подати и натуральныя повинности исполняютъ исправно, жертвуютъ на все что предписываютъ (и на гимназій и на благотворительныя учрежденія, если не ошибаюсь, и на Сибирскій университетъ), что подъ новыя казачьи станицы—Алтайскую, Уральскую, Чистый Яръ и проч.—они отдали много земель, и если у нихъ отнимутъ пастбища на правомъ берегу Бухтармы (никому кетати ненужныя и гнившія задаромъ въ позапрошломъ году послѣ изгнанія киргизовъ), то Чингистайская волость потеряетъ весь свой скотъ, а все благосостояніе и средства къ жизни у киргизовъ въ скотѣ и табунахъ. Начальство хоть и сознаетъ, что киргизы дѣло просятъ, а какъ помочь? правая сторона Бухтармы—Томская губернія. Пишутъ томскому начальству, но вѣроятно крестьянскія просьбы убѣдительно. Пауки остаются въ прежней силѣ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнья киргизы пробуютъ оказать сопротивленіе наукамъ; тогда тѣ, съ помощью пріятелей хватаютъ того, кто дѣйствуетъ смѣлѣе, увозятъ въ свои деревни, пытаются, приковываютъ къ стѣнѣ; бывали случаи убійства. Снова Семипалатинское начальство пишетъ томскому. Идетъ, идетъ переписка, терпятъ терпятъ киргизы: и расправились бы пожалуй—деревни сжечь не хитро—

да свое начальство держать за руки. Успокаиваютъ ихъ: «Вотъ прїѣдетъ баринъ, баринъ васъ разсудитъ.» Но тщетно ждали киргизы, а вышелъ приказъ: «Выгнать киргизъ съ правой стороны Бухтармы и уничтожить ихъ зимовки». Выгнали.

Мы какъ разъ проѣзжали въ это лѣто по Бухтарминской долинкѣ. Тѣ мѣста, которыя береглись чингистайцами для корма зимой, такъ какъ на нихъ не бываетъ глубокаго снѣга, вытравлены были уже въ августѣ мѣсяцѣ. Къ тому же обобраны были киргизы крестьянами безсовѣстно. Зимовки ихъ (у нѣкоторыхъ были хорошіе дома) пошли даромъ. Но какъ только ихъ выгнали, пауки явились «тамырами»: «Это-моль все начальство, а мы васъ пустимъ; знаемъ, что безъ корма вамъ невозможно; дайте намъ столько то кошемъ, барановъ и т. д.» Что дѣлать? крайность! Дали. Но не успѣли перегнать скотъ на заповѣдную правую сторону Бухтармы—напускаются тѣже пауки. Ну и прогнали обратно.

Понурые, унылые встрѣчали насъ бѣдные чингистайцы, хотя вполнѣ еще дружественно; а намъ, намъ совѣстно было смотрѣть имъ въ глаза. Православные, просвѣщенные «Уруссы» такъ не по христіански, безчеловѣчно съ ними поступаютъ, и помочь ихъ горю нечѣмъ: до Бога высоко, до Царя далеко.

Этой же осенью мы уѣхали въ Петербургъ и слышали, что Чингистайская волость потеряла въ зиму половину своего скота. Что случилось съ ними дальше—не знаю. Вѣрно жутко пришлось, да и не однимъ чингистайцамъ, а и сосѣднимъ съ ними волостямъ Алтайской и Нарымской, если бѣжали въ Китай и сопротивлялись вооруженной силой. Когда же Зайсанскій приставъ пошелъ ихъ «возвращать» съ артиллеріей, стрѣлковой ротой, казаками и ракетнымъ станкомъ, они, послѣ отчаянной схватки съ казачьей полусотней, отхватившей ихъ табунъ *), побросали юрты, скотъ и вилавъ переправились черезъ Бурчумъ. Много изъ нихъ тутъ погибли. Тутъ были и женщины, и дѣти.

На вырчку Чиндагатуйскаго пикета, гдѣ стояли казаки-буряты, да-

*) Недавно мы читали въ „Новомъ Времени“ описаніе этого дѣла; тамъ говорится, что киргизы звѣрски дрались съ казаками! Правда, изъ полусотни—24 казака убито и 11-ть тяжело ранено; но главное звѣрство, что у убитыхъ казаковъ изрублены носы, уши, *пятки*, обезображены лица. Киргизы дерутся холоднымъ оружіемъ и потому неминуемо должны быть и раны, соответственныя оружію. Ихъ оружіе: *айбалта*—родъ сѣкиры или топора съ длинной рукояткой, вдоль которой вдѣланы два лезвія, чтобъ обороняющійся не могъ хвататься за нее руками; затѣмъ *найза*, копье на тонкомъ, длинномъ древкѣ, съ большою костью, немного отступа отъ копыя, чтобъ слѣшкомъ глубоко не вонзалось и давало возможность выдернуть копыя изъ раненаго непріятеля. Оружіе же „*айбаканъ*“, т. е. баканъ, представившееся такимъ страшнымъ корреспонденту Новаго Времени, не болѣе какъ жердь съ раздвоеннымъ тупымъ концемъ, которымъ поддерживаютъ чанаракъ при постановкѣ юрты. Имъ дрались вѣроятно бабы. Рѣдко-рѣдко у кого изъ киргизовъ найдется фитильное ружье.

У *Таргоутовъ* дѣйствительно мы видали отличныя кавказскія винтовки.

леко кажется не воинственные, подоспѣли крестьяне изъ Березовки, освободили пикетъ изъ засады, киргизъ же вернуть, не вернули, но нагнали нѣсколько кочей, ограбили ихъ и говорятъ убили нѣсколько человѣкъ.

Чѣмъ все это окончится—неизвѣстно. Убѣжавшіе киргизы сдѣлали «*бату*», т. е. прочитали молитву и рѣшили лечь до послѣдняго, но не сдаваться. Говорятъ, что доведенный до раздраженія и заяцъ опасенъ.

Второй способъ притѣненія киргизовъ слѣдующій: У киргиза никогда нѣтъ наличныхъ денегъ; ко времени взноса подати онъ беретъ займы у крестьянъ, татаръ, русскихъ, и обязуется, большею частью, уплатить имъ баранами. Настоящая цѣна барана *два рубля*, а заимодавцы цѣнятъ барана *въ рубль*, итого берутъ процентовъ рубль на рубль. Случается, что крестьянинъ раза по три требуетъ плату за одинъ и тотъ же долгъ. Устроили ссудныя кассы для киргизовъ; дѣло пошло отлично, но благодѣтельная, кабинетная администрація предписала уничтожить уѣздныя ссудныя кассы и приказала завести такую длинную и сложную процедуру и все съ бумагописаніемъ, т. е. тратой денегъ (кто же станетъ даромъ писать, а киргизы безграмотные), что бѣднымъ киргизамъ пришлось отказаться отъ этого благодѣтельнаго учрежденія, и имъ если пользуется кто изъ киргизъ то развѣ богатые.

Мой мужъ сильно отстаивалъ интересы эксплуатируемыхъ или притѣняемыхъ киргизовъ и велъ за нихъ войну съ крестьянами, но несмотря на это крестьяне звѣровщики относились къ нему не только не враждебно, но съ почтеніемъ и истиннымъ или притворнымъ радушіемъ. Они охотно шли къ намъ проводниками, когда мы ходили въ горы; разъ когда вода Бухтармы неожиданно прибыла, и намъ надо было переправляться вплавь, что опасно, крестьяне собрались за нѣсколько верстъ отъ своей деревни съ лодками, и насъ перевезли. Случалось, что обращались къ мужу съ такими просьбами: «Ты прикажи *нашему-то*.» И на отвѣтъ мужа, какъ онъ можетъ приказывать такому же губернатору, какъ и самъ—недовѣрчиво качали головами и не хотѣли вѣрить, что гражданскій генералъ можетъ быть такая же особа, какъ военный. Кажется, имъ нравилось, что мужъ самъ охотникъ и хорошій стрѣлокъ.

Между крестьянами, ѣдущими на Маркакуль, былъ нашъ знакомый Ларионовъ, бывшій нашъ вожакъ въ 1870 году. Онъ успокоилъ насъ, сказавъ, что они прошли Кезенями и хоть не *шибко* хорошо, снѣга велики, а все-же *сполитичнѣ* тутъ идти, чѣмъ Кабой—тамъ вовсе прохода нѣтъ.

Вскорѣ присоединились къ намъ и Бремъ съ Желѣзновымъ, вернувшись съ охоты за вчерашними медвѣдями, разумѣется неуспѣшной. Желѣзновъ опять обрушился съ лошадыю на какой-то кручѣ. Бремъ заявлялъ, что ѣздить съ нимъ по лѣсу и кручамъ невозможное дѣло,—онъ лѣзетъ въ совершенно немыслимыя мѣста. Желѣзновъ-же, со свойственной ему

въ этихъ случаяхъ флегмой, отвѣчалъ, что лошаденка у него была дрянъ,— оттого и сорвалась.

Послѣ привала мы вошли въ ущелье и скоро стали подыматься на первый *кезень* (переваль). Всѣ лужайки были покрыты красивыми цвѣтами кандыка. Ботуну (дикаго луку) тоже было множество. Казаки набрали его цѣлыя охабки.

Поднявшись на кезень, я рѣшилась воспользоваться прояснѣвшей погодой, такъ какъ только тѣмъ и утѣшалась на бесполезно двигавшуюся за мной фотографію, что вотъ на слѣдующій день, въ хорошую погоду, сниму и этотъ видъ, и этотъ, а въ сущности въ негативномъ ящикѣ не было почти ничего: что и снимала попортилось отъ дождя. Поставили палатку и камеру. Виды кругомъ были такъ хороши, что не знаешь на чемъ остановиться. Хотѣлось бы снять ясно всю эту панораму, но съ моей маленькой камерой и крупно берущимъ объективомъ объ этомъ и думать нечего. Сняла я два негатива, изъ которыхъ уцѣлѣлъ одинъ, другой же при фиксировкѣ съѣхалъ со стекла, и я должна была снова сложить фотографію. Въ горахъ пошелъ снѣгъ и верхняя часть пейзажа задернулась будто бѣлымъ занавѣсомъ.

Сѣли мы на лошадей, спустились съ кезеня, проскакали долиной, перебрали черезъ Сорвенка, притокъ Кара-Кабы *), — и полѣзли на второй кезень. Этотъ переваль былъ очень высокъ и крутъ, но грунтъ на немъ удобный,—не каменистый, не глинистый, и лошади, несмотря на крутизну подъема, идутъ свободно. Спускъ же съ этого кезеня былъ отличный: широкій карнизъ, точно шоссе, обрамленный съ одной стороны красивымъ лѣсомъ и кустами—будто дорожка въ паркѣ. Погода разяснилась, съ каждымъ поворотомъ намъ открывались новыя, чудныя картины, которымъ эффектное вечернее солнечное освѣщеніе придавало еще болѣе блеску и красоты.

Придя къ нашимъ юртамъ, мы узнали, что у насъ трое больныхъ: мой мужъ, старикъ Власовъ и Желѣзновъ. У мужа лихорадка, у тѣхъ захватило горло. — Вотъ моя фотографія и пошла въ ходъ: больнымъ я вымазала горло тинктурой іода, что стекла полируютъ; на все же общество пожертвовала бутылку спирта изъ фотографіи-же, такъ какъ взятый съ собой запасъ вина и водки вышелъ. Разбавили спиртъ водой, подали его къ обѣду, но, увы, кто ни попробуетъ сморщится и поставить чарку обратно; даже Вальдбургъ, заявившій что кто убьетъ человѣка, можетъ быть прощенъ, кто прольетъ каплю вина — никогда! — и тотъ попробовавъ воскликнулъ: «Not to drink!» Но іодъ воздѣйствовалъ чудесно: Власовъ на другой день могъ поворачивать шею, а Желѣзновъ меньше хрипѣлъ. — Хотъ на что нибудь да пригодилась фотографія!

*) Русское названіе Кара-Кабы *Сорва*,—отъ того поясняли звѣровщики, что при переходѣ черезъ нее въ бродъ *срывается* лошадь.

У Брема завелся пріятель—киргизская собака. Дѣйствительно «Аранка», какъ ее звали, не отходила отъ Брема. Онъ хотѣлъ увести ее съ собой, но на Чингистаѣ, откуда поѣхали въ экипажахъ, Аранка, какъ истый киргизъ, за экипажемъ — незнакомой машиной, не пошла, а пристроилась къ казакамъ; осенью мы видѣли ее въ отрядѣ, разлѣвшуюся, красивую;—она тотчасъ насъ узнала и бросилась ласкаться. И теперь она извѣстна подъ именемъ «Бремовской Аранки».

Въ ночь выпало на вершокъ снѣгу. Теперь мы шли не подъ дождемъ, какъ послѣдніе дни, а подъ снѣгомъ и по снѣгу — все же лучше. Возбравшись на третій кезень, мы пошли узкимъ гребнемъ: съ правой стороны онъ круто обрывался къ Кара-Кабѣ, едва видѣвшейся на днѣ пропасти; съ лѣвой—зеленымъ скатомъ въ глубокой оврагъ. Жаль, что виды внизъ пропадали, закрытые густымъ туманомъ. Вездѣ кругомъ насъ, по сосѣднимъ горамъ, ползли облака; вотъ начинаетъ отдираться облачко—поднялось и открылись темныя скалы или густая кедровая *чернеть*, гдѣ сверкнетъ снѣговая залежь или вершина. Но долго любоваться видами не пришлось. Начался спускъ и серьезный. Мы вышли на край обрыва къ Кара-Кабѣ, покрытой лѣсомъ и заваленной снѣгомъ, футовъ въ 1050, можетъ быть и болѣе вышины, и крутизной до 60 градусовъ. Снизу этотъ обрывъ казался вертикальной стѣной, и по этой то стѣнѣ, между громадными деревьями, огибая выдавшіяся скалы и выходя на карнизы, шла узкая тропинка, по которой надо было спускаться. Главное затрудненіе, пожалуй опасность, кромѣ страшной крутизны, состояла въ томъ, что мѣстами между деревьями были глубокия залежи снѣга. Лошади не шли, а проваливаясь по брюхо, барахтались и выбивались прыжками; въ иныхъ мѣстахъ снѣгъ выбитъ крутыми, полуаршинными ступенями, по которымъ лошадь не можетъ иначе спускаться, какъ спрыгивая передними ногами заразъ и сползая на заднихъ; карнизы скользкие отъ растоптаннаго снѣга и глины.

Тутъ, на солнечномъ припекѣ, на скалѣ, мы нашли великолѣпный баданъ въ цвѣту.

Самое трудное мѣсто было передъ концемъ, и еслибъ киргизы съ Чингистайскаго пикета, слышавъ что мы идемъ, не пріѣхали и не расчистили самую глубокую массу снѣга,—не знаю какъ бы мы и выбрались изъ нея.

Вальдбургъ сошелъ этотъ спускъ съ нами верхомъ. Пока намъ справляли сѣдла и подируги, мы смотрѣли на остальной нашъ караванъ, ползущій по спуску. Впереди всѣхъ, уже почти догоняя насъ, идетъ въ своемъ «поншо», Бремъ *), не стѣсняясь ни кручами, ни снѣгомъ, идетъ быстро, свободно, и все время поетъ импровизаціи. Нѣсколько

* Бремъ, какъ опытный путешественникъ по горамъ, имѣлъ сапоги употребляемые обыкновенно въ Альпахъ, съ гвоздями и крючками на каблукахъ и носкахъ.

дальше Финшъ въ малиновыхъ киргизскихъ чембарахъ, особенномъ какомъ то плюшевомъ плащикѣ въ видѣ барсовой шкуры и сапогахъ съ такими же отворотами;—далѣе тяжело спускается мой мужъ, опираясь на плечо своего джигита: ему сильно нездоровилось и голова кружилась на кручахъ. По карнизамъ и между деревьями тянутся вереницей вьючныя лошади и ведущіе ихъ лаучи въ мохнатыхъ малахаяхъ.

Между пѣшеходами вертится и суетится нашъ съ Маней джигитъ, Джіембай,—маленькій, худенькій, съ лисьей мордочкой, въ остроконечной мѣховой шапочкѣ и стеганомъ одѣяльцѣ, на подобіе плаща Финша, на плечахъ:—то онъ предлагаетъ кому нибудь руку, чтобъ перевести черезъ худое мѣсто, то просить, чтобъ мужъ *сплъ ему на плечи*, что онъ спуститъ на себѣ,—наконецъ самъ споткнулся и покатился. Этотъ Джіембай памятенъ мнѣ оригинальнымъ способомъ утѣшенія, придуманнымъ имъ для своей жены: они потеряли двоихъ и единственныхъ дѣтей на одной недѣлѣ скарлатиной; жена его до того плакала, что, по словамъ его, почти ослѣпла.—«Я-съ возму-съ второй жена—чтобъ ей-съ не такъ скучно-съ было».

Спустившись съ этого кезеня, мы прошли долиной и стали у самого подъема на Бурхатъ, на высотѣ 7 т. футовъ.

Пришли мы довольно рано и послѣ завтрака всѣ принялись за свои обычныя занятія: Бремъ разспрашивалъ киргизъ и записывалъ, Финшъ возился съ своей коллекціей, Вальдбургъ и Маня съ гербаріями, я съ фотографіей и т. д.

Киргизы, видя какъ Финшъ препарируетъ птицъ, прозвали его *бо-варъ*, т. е. *поваръ*, Брема же «Улькунъ-нѣмецъ» (большой нѣмецъ) и Зоръ-Мурунъ (большой носъ).

На слѣдующее утро всѣ наши уѣхали на охоту на тау-теке (горныхъ козловъ). Охота была неудачна, хотя наканунѣ киргизы убили въ этихъ же мѣстахъ нѣсколько козловъ.

Теперь Желѣзновъ въ свою очередь жаловался, что ходить по горамъ *тышомъ* съ д. Бремомъ невозможно,—неугонаешься.

Послѣ завтрака стали подыматься на Бурхатъ; некрасивъ онъ съ этой стороны: голые, безлѣсные, каменистые подъемы и спуски, только хорошаго что лужайки, усыпанныя крупными, великолѣпными Анютиными глазками, желтыми, бѣлыми, лиловыми и почти черными. Изрѣдка попадались и генціаны. Наконецъ пришли на переваль, высокою 8 т. футовъ, гдѣ красуются пограничныя знаки — русскій и китайскій: двѣ груды камней съ вертикально торчащимъ камнемъ посрединѣ. Къ этимъ знакамъ надо относиться съ особымъ уваженіемъ. По силѣ трактатовъ, каждое лѣто пріѣзжаетъ на границу русскій и китайскій чиновники «повѣрять столбы».

Было ясно и мы надѣялись увидѣть Бѣлуху во всей красѣ и величинѣ, но не успѣли перейти переваль, пошелъ снѣгъ и одна изъ ве-

ликолѣннѣйшихъ панорамъ пропала; тѣмъ болѣе было досадно, что мнѣ хотѣлось показать ее нашимъ гостямъ.

Спускъ съ Бурхата былъ отвратительный, мокрый, грязный, скользкій: рады — рады были, когда выбрались изъ камней; до половины спускъ идетъ по каменистой осыпи. Удивительно, какъ лошади не ломаютъ себѣ ногъ! На этотъ разъ и Вальдбургъ отсталъ отъ насъ и присоединился къ пѣшимъ.

Когда мы вошли въ лѣсистую часть спуска, гдѣ между кедрами были цѣлыя стѣны еще зимняго снѣга, а дорога и мы занесены валящими съ неба хлопьями снѣжнаго бурана, можно было подумать, что мы находимся среди глубокой зимы, еслибъ не выглядывавшіе изъ подъ свѣжевыпавшаго снѣга яркіе розовые, золотистые, лиловые цвѣты.

Чѣмъ ниже спускались мы съ Бурхата, тѣмъ растительность становилась роскошнѣе.

Наконецъ мы вышли изъ кедроваго лѣса, и изъ самой глубокой зимы попали въ цвѣтущее, въ полномъ разгарѣ, лѣто. Луга—какъ коверъ изъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ; громадныя, аршина въ полтора, кусты піоновъ (Марьянъ корень, по сибирски) буквально были усыпаны крупными, верхка въ три въ діаметрѣ, пунцовыми и малиновыми цвѣтами.

У подножія Бурхата насъ встрѣтили киргизы, и пока укладывали экипажи, т. е. два маленькіе тарантаса и нѣсколько тѣлегъ, мы вошли въ приготовленную юрту и, разумѣется, насъ угощали бараниной и чаемъ. Тутъ мы попрощались и роздали подарки сопровождавшимъ насъ проводникамъ—джигитамъ и лаучамъ.

Пріѣхали мы въ Котонъ-Карасай поздно вечеромъ и подъ проливнымъ дождемъ,—видимъ рядъ богатоубранныхъ и яркоосвѣщенныхъ юртъ, и противъ нихъ скромныя котонскіе домики; разумѣется, всѣ предпочли домики. Особенно восхитили нашихъ гостей *лежанки*, на которыхъ такъ удобно сушить коллекціи.

На другой день утромъ въ большой юртѣ собралось все котонское общество: П. М. Халдѣевъ и А. И. Бахиревъ сказали гостямъ привѣтствіе и просили принять на память выставленные въ юртѣ образцы мѣховъ и мѣстныхъ произведеній. Намъ съ Маней поднесли великолѣпныя букеты въ китайскихъ вазочкахъ.

Бремъ, по просьбѣ Финша и Вальдбурга, отвѣтилъ прекрасной рѣчью, которую тутъ же за нимъ переводилъ одинъ изъ членовъ общества по русски.

Затѣмъ у насъ былъ *большой* обѣдъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что было много народу. Къ нашему обществу присоединились пріѣхавшія на встрѣчу экспедиціи начальникъ Зыряновскаго рудника, г-нъ Бастринъ, и явившійся «встрѣчать и сопровождать» ихъ, засѣдатель.

На слѣдующее утро мужъ и гости уѣхали осматривать Зыряновскій

рудникъ а мы на верхнюю пристань. Единственными замѣчательными эпизодами было то, что дожда не было, чтоя сняла нѣсколько удачныхъ негативовъ и что, къ крайнему удивленію, нашему, мы встрѣтили на станціи, въ деревнѣ Толовкѣ, нѣсколькихъ крестьянъ, интересующихся политикой. Отъ проѣзжихъ или изъ случайно занесенныхъ газетъ они знали объ войнѣ Сербіи съ Турціей. Спрашивали—нѣтъ ли у насъ *газеты* и какія оттуда извѣстія. Между прочимъ были и такія сужденія: «Чтожь это нашъ бѣлый Царь не вступается—вѣдь православные.» Были тутъ и солдатски знавшіе Черняева и въ Туркестанѣ: «За правое дѣло стоять,—его и тамъ, какъ и у насъ, солдатская молитва сбережетъ.»

На верхней пристани мы дождались нашихъ и на слѣдующее утро въ 6 часовъ утра плыли на *карбазъ* по быстрому Иртышу. Обыкновенно это самый ужасный способъ путешествія. Карбазъ, большая лодка употребляемая здѣсь для перевозки руды (руду привозятъ изъ Зыряновскаго рудника на телегахъ и грузятъ на верхней пристани въ карбазы и сплавляютъ въ Усть-Каменногорскъ, оттуда снова перевозятъ на волахъ и лошадяхъ въ Змѣиногорскъ, гдѣ руда уже выработалась, такъ что тамъ заводы обрабатываютъ привозную Зыряновскую руду). Посрединѣ карбаза небольшой выпуклый помостъ надъ крошечной каюткой, куда складываютъ рабочіе хлѣбъ; укрыться въ нее отъ дожда едва бы можно одному, много двоимъ; бортовъ нѣтъ и барказъ сидитъ такъ глубоко въ водѣ, что при сильномъ волненіи его заливаютъ: надо приставать къ берегу и переждать, а это не всегда возможно, такъ какъ мѣстами скалы сходятъ къ рѣкѣ стѣной. На всемъ пути до Усть-Каменногорска всего три зимовки, т. е. жилия мѣста, гдѣ въ крайнемъ случаѣ можно найти хлѣба и приютъ. Случается, что за погодой приходится нѣсколько разъ приставать къ берегу и переждать, идя вмѣсто 10—12 часовъ, по нѣсколько сутокъ.

На этотъ разъ мы плыли на хорошемъ карбазѣ горнаго начальства, съ бортами, лавками, палаткой и крошечной плитой на кормѣ, дающей возможность приготовить обѣдъ. Тарантасы наши и люди плыли еще на нѣсколькихъ карбазахъ.

Погода простояла отличная. Первое изъ нашихъ плаваній по быстрому Иртышу оставившее пріятное впечатлѣніе.

Иртышъ между Бухтармой и Усть-Каменногорскомъ дѣйствительно красивъ. Сжатая между громадными скалами, мѣстами представляющими живописныя ущелья, поросшія богатой растительностью, мѣстами грозныя, отвѣсныя стѣны, воды его то стремятся, какъ бы спѣша вырваться на просторъ, то разбѣгаются нѣсколькими рукавами между зелеными островами. Мѣстные жители увѣряютъ, что особый шумъ слышимый при плаваньи по быстрому Иртышу, отдѣльно отъ вилеска весель и журчанья воды подъ килемъ,—будто это шумъ гальки, которую быстрота теченія катитъ по дну.

Члены экспедиции нашли на быстромъ Иртышѣ новую для нихъ породу галокъ, красноносыхъ и выющихъ гнѣзда въ скалахъ; еще новую же породу стрижей.

Разумѣется варили неизбежную при этомъ плаваньи стерляжьё уху.

Бремъ во время этого пути перевелъ стихами киргизскую пѣсню. Финшъ набрасывалъ карандашемъ эскизы. Наконецъ достали «Фауста» и Бремъ читалъ намъ его.

Такимъ образомъ незамѣтно приплыли къ Усть-Каменногорску. Наша скромная Устькаменка смотрѣла очень празднично: на скалахъ около пристани сидѣли красивыя группы татарокъ въ пестрыхъ, яркихъ нарядахъ; на пристани много народу, экипажей, верховыхъ.

На слѣдующее утро мы собрались въ послѣдній разъ на прощальный завтракъ къ П. М. Халдѣву.

Не знаемъ какое впечатлѣніе вынесли наши гости изъ прогулки по Алтаю; для насъ же она будетъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній нашей жизни въ Сибири.

Л. П—я.

П Р И Р О Д А

И

О Х О Т А

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества размноженія охотничьихъ
и промысловыхъ животныхъ

И

П РА В И Л Ь Н О Й О Х О Т Ы .

1882.

ТОМЪ II.

М А Й .

МОСКВА.

Типографія А. А. Карцева и Ко., Покровка, пр. Ц. Воскресенія въ Барашахъ, д. Егорова.

1882.

Тигры въ Кульджинскомъ районѣ.

По прїездѣ нашемъ въ Кульджу весною 1879 года, мы тотчасъ же приступили къ снаряженію экспедиціи для дальнѣйшаго странствованія по краю съ цѣлью изученія его животнаго населенія. Неизбѣжная продолжительность подобнаго снаряженія оставляла намъ немного свободнаго времени на разговоры съ туземцами и на распросы у нихъ о разныхъ животныхъ. Въ большинствѣ случаевъ мы нашли ихъ хорошо знакомыми съ дикими обитателями своей страны, такъ что, руководствуясь ихъ указаніями, мы могли составить маршрутъ наиболѣе пригодный къ достиженію нашей цѣли. Отъ нихъ мы между прочимъ собрали положительныя свѣдѣнія и о тиграхъ. Странно, что мы часто получали свѣдѣнія, діаметрально противоположныя свѣдѣніямъ туземцевъ, отъ русскихъ, жившихъ въ Кульджѣ. Между прочимъ самое присутствіе тигровъ въ край многими оспаривалось и насъ увѣряли, что туземцы за тигра принимаютъ ирбиса (*Felis Irbis*), т. е. барса. Какъ бы то ни было, но туземцы были правы: тигры живутъ во всемъ Кульджинскомъ районѣ. Мы могли въ большинствѣ случаевъ лично провѣрить сообщенія туземцевъ и эти то наши личныя наблюденія въ связи съ ихъ разказами и послужили матеріаломъ для моей настоящей замѣтки.

Хотя собранныя подробности о жизни тигра (*Felis Tigris*) въ Кульджинскомъ районѣ далеко не богаты, что стоитъ въ прямой зависимости отъ кратковременности нашего пребыванія въ немъ—все же я думаю, что онѣ представятъ интересъ для естествоиспытателей, служа дополненіемъ къ богатому матеріалу, имѣющемуся уже въ литературѣ объ этомъ звѣрѣ, но далеко еще не исчерпывающемъ всей исторіи его жизни.

Притомъ-же я могу поручиться за вѣрность, въ общихъ чертахъ, нижеслѣдующихъ сообщеній.

Кульджинскій край въ настоящее время, т. е. послѣ страшной междоусобицы и почти поголовнаго избіенія Китайцевъ въ концѣ 60-хъ годовъ (до 800,000 ч. было вырѣзано въ Илійской долинѣ Дунганями и Таранчами) сдѣлался крайне малонаселеннымъ и тигры встрѣчаются въ немъ повсюду въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по удобствамъ представляемымъ различными мѣстностями для ихъ жизни.

По камышамъ, перемѣшаннымъ лѣсами и кустарниками вдоль р. Или, на З. отъ Кульджи, тигры живутъ осѣдло въ большомъ числѣ, какъ по правому, такъ и по лѣвому ея берегамъ. Чѣмъ дальше на З., тѣмъ число тигровъ возрастаетъ и достигаетъ наконецъ своею максимума въ громадныхъ камышахъ окружающихъ оз. Балкашъ. Но и на В. отъ Кульджи, вдоль Или, по Текесу и по нижнему теченію Кунгеса, тигры нерѣдки,—живутъ осѣдло, выводятъ дѣтей. Для постояннаго жительства тигръ непременно избираетъ мѣста заросшія либо сплошными камышами, либо камышами перемѣшанными зарослями тальника, лозы, корявыхъ каргачей (*Ulmus*) и др. Въ лѣсахъ нижняго теченія Кунгеса, камышей меньше, но за то лѣса съ густымъ подлѣскомъ изъ непроходимыхъ кустарниковъ, ягодниковъ и проч. вполне замѣняютъ для тигра послѣдніе; тамъ-же гдѣ камыши, выше по Кунгесу (на 4000'), болѣе не растутъ, прекращается и осѣдлая жизнь тигра. Итакъ здѣсь осѣдлая жизнь тигра (какъ мнѣ кажется впрочемъ и во всей средн. Азій), тѣсно связана съ распространеніемъ камыша. Правда тигры встрѣчаются иногда и на большомъ разстояніи отъ камышей и держатся подолгу вдали отъ нихъ, но только подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и времени года. Главныя побудительныя причины, заставляющія тигра удаляться изъ камышей, слѣдующія: 1-е поиски за добычей; 2-е, за недостаткомъ въ какомъ либо мѣстѣ свободныхъ самокъ, самцы иногда уходятъ отыскивать таковыхъ въ мѣстности далеко лежація, причемъ иногда навсегда покидаютъ свои родныя мѣста,—и 3-е, при чрезмѣрномъ размноженіи звѣря въ какой либо мѣстности, нѣкоторыя, преимущественно молодыя особи бывають вынуждены выселяться и искать иного мѣстожительства—законъ, которому повинуются все животное населеніе земли, который почти исключительно обуславливаетъ распространеніе видовъ вообще и который, будь ему положены преграды, неминуемо повлекъ бы за собою быстрое умень-

шеніе недѣлимыхъ вида въ данной мѣстности, если не полное его вымирание.

Въ Кульджинскомъ раіонѣ кабаны (*Sus scrofa*) густо населяютъ безлюдныя мѣста, гдѣ осѣдло живутъ тигры, и служатъ послѣднимъ главною пищею, но гдѣ по близости кочуютъ киргизы, тигры нерѣдко почти исключительно прокармливаются ихъ многочисленными стадами. Многіе киргизы зимуютъ по возможности близко къ р. Или, или-же по рѣчкамъ въ нее впадающимъ, т. е. у самыхъ обиталищъ тигровъ. Тутъ тигру раздолье: каждый разъ какъ онъ голоденъ, онъ безъ всякаго страха приближается къ аулу и нерѣдко на глазахъ у безоружныхъ киргизъ выбираетъ себѣ любую добычу, будь то овца, лошадь, собака или быкъ. Киргизы нѣкоторыхъ ауловъ настолько свыклись съ нахальствомъ нападеній тигра на табуны и стада, что смотреть на него довольно равнодушно и какъ на вещь неизбежную, тѣмъ болѣе что найти болѣе безопасныя мѣста для своего скота имъ негдѣ.

Проходитъ зима, сошелъ снѣгъ, потеплѣло въ воздухѣ и позеленѣла трава,—киргизскій аулъ покидаетъ свои зимовки у низовьевъ рѣчекъ или у самой Или и отодвигается къ горамъ, мѣняя по мѣрѣ надобности пастбища; наступаютъ лѣтніе жары, а съ ними вмѣстѣ муха, овода и комары начали загонять киргизъ все выше и выше въ горы, иногда на 8 или 9000' надъ уровнемъ моря; но и тутъ не всегда удается имъ избавиться отъ хищнаго Джол-барса. Покуда киргизскій аулъ еще недалеко отошелъ отъ зимовокъ, тигры довольствуются частыми прогулками къ ихъ стадамъ; но когда аулъ уже забрался далеко и высоко въ горы, то нерѣдко и тигръ переселяется туда же на лѣто. Такимъ образомъ можно встрѣтить тигровъ иногда на большой высотѣ. *) Случается, что нѣкоторые аулы имѣютъ тигра сопутствующаго имъ всюду въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но не одинъ киргизскій скотъ увлекаетъ тигра высоко въ горы, чаще слѣдуютъ они лѣтомъ за стадами кабановъ, которые переселяются сюда изъ долинъ. Дѣйствительно тигры и кабаны живутъ въ Илійской долинѣ почти неразлучно. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ логовомъ или гнѣздомъ тигра кабаны никогда не держатся, несомнѣнно однако-же, что жизнь обоихъ звѣрей въ Илійской долинѣ тѣсно связана, хотя правда далеко не дружескими узами. Если вы найдете въ камышахъ при-Илійскихъ осѣдло живущихъ кабановъ, то

* Сѣверцевъ въ своихъ „Туркестанскихъ животныхъ“ тоже говоритъ, что тигры мѣстами заходятъ въ горы лѣтомъ на 8000'.

можете быть увѣрены, что именно въ этой мѣстности логова или гнѣзда тигра нѣтъ. Наоборотъ, если вы найдете только старые кабаньи слѣды въ мѣстности, на видъ хорошо подходящей для жизни кабановъ и самыхъ животныхъ уже въ ней нѣтъ, то будьте увѣрены, что тигръ живетъ по близости. Туземцы по этимъ признакамъ безошибочно узнаютъ о присутствіи тѣхъ или другихъ животныхъ въ данной мѣстности. Если тигръ поселится въ клочкѣ камышей, гдѣ много кабановъ, то не пройдетъ и недѣли какъ послѣдніе откочуютъ подалеже; правда иногда перейдутъ они лишь черезъ незначительную рѣчку и остановятся въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ жилища тигра и столько же подвергаются его нападеніямъ, какъ и прежде, но все же они не чувствуютъ постоянного присутствія своего страшнаго врага. И дѣйствительно незначительныя, но многочисленныя рѣчки, или же ерики разграничиваютъ обыкновенно мѣстопребыванія обоихъ звѣрей.

Я уже говорилъ, что лѣтомъ кабаны уходятъ въ горы, какъ въ при-Илійскій Алатау (вѣрнѣе хребетъ Алтынъ-Имель), граничащій Илійскую долину съ Сѣвера, такъ и въ собственно Тяньшань, граничащій эту долину съ Юга и съ Востока. Заходятъ сюда кабаны высоко; мы находили слѣды ихъ на 10000'. Слѣды же тигра мы встрѣчали въ тамарискахъ на 6-ти и въ тальникахъ на 8-ми тысячахъ футъ.

Встрѣчали мы ихъ слѣды не часто, но всегда около свѣжихъ кабаньихъ слѣдовъ. Что это были именно слѣды тигра, а не ирбиса, было легко убѣдиться: тигръ ставитъ лапу растопыренною, съ далеко отстоящими пальцами, а ирбисъ держитъ лапу скомканною; не говорю уже объ огромной разницѣ въ величинѣ слѣда этихъ двухъ звѣрей. *) Но не нужно думать, что всѣ тигры живущіе въ при-Илійскихъ камышахъ непременно уходятъ лѣтомъ въ горы; многіе напротивъ остаются въ долинѣ, такъ какъ и здѣсь изобиліе корма гарантируетъ имъ обильную пищу, а присутствіе густыхъ зарослей и свѣжей воды, — отличныя убѣжища. Притомъ же тигрицы, окотившіяся весною, въ это лѣто уже не покинутъ своего гнѣзда и въ горы не пойдутъ.

О течкѣ тигровъ я положительно не могъ ничего узнать, такъ какъ понятія о времени года у туземцевъ и у меня оказа-

*) Слѣдъ большого тигра имѣетъ болѣе четверти въ поперечникѣ. — Въ этихъ же мѣстахъ видѣли мы слѣды ирбиса.

лись настолько различными, что я наконецъ предпочелъ на ихъ показанія, въ этомъ отношеніи, полагаться лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Мечеть тигрица отъ двухъ до четырехъ дѣтенышей въ концѣ февраля или въ мартѣ. Въ первое время самецъ усердно заботится о прокормленіи семейства. Позднѣе помогаетъ самцу и самка въ его охотахъ.

Что тигры паруются и что самцы часто (если не всегда) остаются пригнѣздъ,—фактъ несомнѣнный, хотя, по свидѣтельству многихъ туземцевъ, какъ киргизъ, такъ и калмыковъ и Торгоутъ, во время течки (во всякомъ случаѣ зимой, хотя, какъ уже говорилъ, я точнаго времени добиться не могъ), случалось встрѣчать отъ двухъ до трехъ самцевъ, ходившихъ за одною самкою.

О дракахъ въ этомъ періодѣ я свѣденій получить не могъ *).

Какъ я уже раньше говорилъ, Или-Кунгесская долина была прежде гораздо населеннѣе, можно сказать даже была густо населенною, еще вначалѣ 60-хъ годовъ. Какъ ни безопасно было это населеніе для тигровъ, но люди положительно мѣшали имъ распространяться и размножаться въ Илійской долинѣ въ такомъ числѣ, въ какомъ это стало дѣлаться со времени опустошенія края. Во время полнаго процвѣтанія подъ китайскимъ владычествомъ Илійской долины, тигровъ было въ ней значительно меньше, чѣмъ теперь, когда нетревожимые людьми, вполне обеспеченные пищею (какъ дикими, такъ и домашними животными) число ихъ стало быстро возрастать. Немало также должно ихъ было сюда нахлынуть въ послѣдніе годы изъ камышей прибалкашскихъ, гдѣ число ихъ, говорятъ, стало по-истинѣ громадно. На первыхъ же порахъ увеличеніе ихъ численности оказало немалое вліяніе на бывшее животное населеніе долины. Такъ напр. ирбисъ, еще недавно водившійся въ изобилии въ камышахъ приілійскихъ, теперь почти вполне (если не вполне) уже вытѣсненъ оттуда тигромъ. Явленіе нормальное и которое нетрудно было бы предугадать.

*) Изъ легендарныхъ повѣрій нѣкоторыхъ киргизъ выходитъ, что пара тигровъ живетъ долго вмѣстѣ (это несомнѣнная истина), но что дѣтей они рожаютъ лишь каждыя тринадцать лѣтъ. Только съ извѣстнымъ назывкомъ можно легко отдѣлать отъ точныхъ наблюденій легендарнаго увѣренія туземцевъ, но навѣтъ этотъ пріобрѣтается легко, и все дѣло зависитъ отъ умѣнія ставить имъ вопросы.

Я думаю, что не ошибусь, предположивъ, что нынѣ ирбисъ, почти совершенно погинувъ Илійскую долину и встрѣчаясь еще по нижнему теченію Кунгеса въ маломъ числѣ, остается въ прежнемъ количествѣ лишь въ самыхъ дикихъ ущельяхъ горъ, окружающихъ долину.

Если тигръ успѣлъ вытѣснить въ какія нибудь 12 лѣтъ такого звѣря, каковъ ирбисъ, *) изъ его прежнихъ мѣстожительствъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ нарушитъ равновѣсіе и въ численномъ отношеніи многихъ другихъ животныхъ этой мѣстности.

Теперь Кульджа вновь перешла въ руки китайцевъ. Несомнѣнно, что вскорѣ нахлынутъ въ Илійскую долину (хотя и не во всю конечно), въ эту благодатнѣйшую часть всей Средней Азии, массы трудолюбиваго народа; вновь закипитъ въ ней та же дѣятельная жизнь, какая въ ней кипѣла до дунганскаго возстанія, вновь достигнетъ здѣсь земледѣліе того высокаго совершенства и того объема, какое оно имѣло до занятія нами края.

Любопытно знать, какое вліяніе окажетъ быстрое заселеніе опустѣвшаго края китайцами на жизнь въ немъ тигра. Вѣроятно же всего, мнѣ кажется, будетъ то, что быстрому дальнѣйшему размноженію тигра будетъ положенъ предѣлъ, затѣмъ послѣдуетъ постепенное уменьшеніе его численности и наконецъ вновь установится то равновѣсіе въ животномъ населеніи долины, которое въ немъ существовало и въ предъидущее владычество китайцевъ. Какъ ни могучъ тигръ, какъ ни безобиденъ можетъ показаться для него китаецъ на первый взглядъ, но все-же дикая сила не можетъ бороться съ цивилизаціей человѣка.

Пески, которые тянутся вдоль праваго берега Или до впаденія послѣдней въ Балкашъ, начинаются верстахъ въ 20 на западъ отъ Кульджи. Общимъ своимъ характеромъ эта песчаная пустыня существенно не разнится отъ песковъ вообще свойственныхъ нашимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ. Та же волнообразная, холмистая поверхность, поросшая саксауломъ (*Halimonden-*

*) Подобный примѣръ имѣемъ мы въ Индіи, гдѣ помимо истребленія человѣкомъ, левъ былъ окончательно вытѣсненъ главнымъ образомъ тигромъ.

Послѣдній левъ былъ убитъ въ Индіи въ 1865 г., какъ видно изъ Англійскаго журнала „the Field“ за 1877 или за 1878 г. Въ томъ же журналѣ, котораго я къ сожалѣнію не имѣю сейчасъ подъ рукой, было сообщеніе, что въ одной изъ сѣверозападныхъ провинцій Индіи, близкой къ Персіи, еще встрѣчаются львы и даже въ значительномъ числѣ, но что и они находятся въ послѣднемъ періодѣ вымиранія и уже далеко не тѣ львы, которыхъ привыкли величать царемъ звѣрей.

pron), таволгой (*Alhagi Kirghisorum*), отчасти Еиемъ (*Lasiogrostis*) и то же почти животное население—встрѣчаются какъ здѣсь, такъ и тамъ. Изъ хребта Алтынъ-Имель, окаймляющаго Илийскую долину съ сѣвера, вытекаетъ много быстрыхъ рѣчекъ, которыя, прорѣзавъ пески, впадаютъ въ Или. Каждая изъ этихъ рѣчекъ прорѣзала себѣ въ пескахъ болѣе или менѣе глубокую долину, которая поросла лѣсками, кустарниками и камышами.

Фауна такихъ долинъ уже значительно отличается отъ фауны собственно песчаной. Тутъ найдете вы уже звѣрей и птицъ, которыхъ въ пескахъ не встрѣтите. Всѣ эти долины рѣчекъ соединяются съ низменнымъ берегомъ Или, т. е. съ долиною послѣдней въ тѣсномъ смыслѣ слова. Этотъ берегъ или долина достигаетъ мѣстами значительной ширины, до двухъ верстъ и болѣе, мѣстами же суживается до того, что пески подходятъ къ рѣкѣ вплотъ, образуя надъ ней обрывистый нависшій берегъ, въ нѣсколько сотъ футъ высоты.

Во время лѣтняго половодья, въ июнѣ, весь низменный берегъ Или затопляется водою, которая и наполняетъ озера и болота, разбросанныя по немъ.

Правый берегъ Или покрытъ громадными пространствами камыша, мѣстами перемишавшаго съ лѣсами, тальниками и непроходимыми неизвѣстными мнѣ кустарниками. Чаща въ иныхъ мѣстахъ дѣлается буквально непроницаемою для человѣка, за то много всякаго звѣря и птицы въ ней таится; тутъ находятъ себѣ приволье и тигръ.

У устьевъ одной изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Или, у Хоргоса (составляющей въ настоящее время границу между Россіею и Китаемъ), остановились мы караваномъ 11 марта 1879 года. Расположились мы на лѣвомъ берегу рѣки, такъ какъ мѣстность здѣсь была наиболѣе удобною для наблюдений за весеннею жизнью животныхъ. Отсюда намъ было удобно дѣлать экскурсіи въ пески, начинавшіеся въ полуверстѣ отъ нашей стоянки; отсюда въ такомъ же разстояніи отъ насъ находилось озеро, служившее мѣстомъ отдохновенія для прилетныхъ стай водяной птицы; въ верстѣ отъ насъ быстро неслись мутныя воды Или; камыши и кустарники подходили вплотную къ нашимъ юртамъ, такъ что самыя разнообразныя и удобныя для наблюдений пункты были у насъ подъ рукой.

Теперь позволю себѣ перечислить самыхъ выдающихся животныхъ, которыя населяютъ мѣстности, окружающія насъ. Въ

пескахъ живетъ много каракуйрюковъ (*Gazella subgutturosa*), по окраинамъ песковъ много зайцевъ (*Lepus Lehmanni*, *) Sev), волковъ, лисицъ, песчанокъ (*Meriones Opimus*), ежей (*Erin. auritus*)—и наконецъ нашли мы перевязокъ (*Rhabdogale sarmatica*).

Въ долинахъ рѣчекъ и по берегу Или число животныхъ значительно увеличивается. Тутъ встрѣчаются тигры, ирбисы (если еще есть они?), рыси (*sp?*), дикія кошки (*Felis manul*), барсуки, кабаны, косули (*Cervus Purgargus*) и маралы. Тутъ найдете вы полевокъ и мышей, а также и летучихъ мышей (2 вида?).

Бывшій съ нами малороссъ, охотникъ, хорошо знакомый съ выхухолями, увѣрялъ меня, что видѣлъ и чуть не поймалъ выхухоли, на одномъ изъ ериковъ въ камышахъ; къ сожалѣнiю, звѣрокъ ушелъ. Нахожденiе выхухоли, если-бы оно оправдалось, въ Кульджинскомъ районѣ, было бы фактомъ величайшаго интереса, но увы у меня осталось лишь сильное сомнѣнiе о присутствiи ея такъ далеко на востокѣ.

Изъ птицъ, не говоря уже о простыхъ видахъ, всюду встрѣчающихся, назову лишь болѣе интересныхъ: орлановъ (*Haliaetus Macei*), конюковъ (*Buteo leucurus*), филина (*B. turcomanus*), булдрюгюновъ (*Pterocles arenarius*) дрофъ (*Otis tarda*, *O. Macqueenii*), фазановъ (*Ph. Mongolicus*), лебедей (*C. Olor et Bewickii*), гусей, утокъ, журавлей (*Gr. cinerea, leucogeranus*), бекасовъ, гаршнеповъ, авдотокъ (*Oedismachus streptans*), кроншнеповъ, и проч. и проч. и проч.

Изъ пресмыкающихся: ящерицъ (*Phrynoscephalus* 2 вида, *Eremias* 2 вида, *Scapteira* 1 видъ, *Agama* 1 видъ), змѣй (*Elaphys Dione*, *Tropidonotus hydrus*, *Taphrometopon lineolatum*), черепаху (*Testudo Horsfieldii*), лягушекъ (*Bufo viridis*, *Rana temporaria*) и проч.

Воды представляли болѣе интереса своею характерною фауною: Маринки (*Schizothorax sp. 2?*), османы (*Diptychus*), усачи (*Diplophysa labiata*) и окуни (*Perca Schrenckii*).

Не могу не упомянуть здѣсь о безчисленныхъ насѣкомыхъ, собиранiемъ которыхъ занимался преимущественно я,—но всю массу видовъ, встрѣчавшихся намъ, нѣсколькими именами охарактеризовать невозможно. Всюду и вездѣ попадались виды рѣдкiе или вполне новые и даже новые роды.

Далѣе на западъ встрѣчаются куланы, сайги (въ этомъ я не такъ увѣренъ) и проч., но мы туда не проникали.

*) Заяцъ этотъ чрезвычайно замѣчательнъ тѣмъ, что самка котится лишь однимъ зайченкомъ. Изъ вскрытыхъ мною 11 самокъ, ни у одной не было болѣе одного зародыша. Въ концѣ марта зародыши были вполне сформированы и вѣроятно многiя самки уже къ этому времени начали котиться.

Изъ приведеннаго выше списка животныхъ, станетъ понятнымъ, что дѣло у насъ закипѣло съ самаго перваго дня. Собирать, приготавливать, укладывать и записывать все видѣнное — требовало много времени. Но перейдемъ опять къ тиграмъ.

Въ первый же день прибытія нашего на Хоргосъ, одинъ изъ сопровождавшихъ насъ калмыковъ вернулся съ извѣстіемъ, что вблизи нашей стоянки нашелъ свѣжіе слѣды Джоль-барса. Отправившись къ указанному мѣсту, мы нашли не только тамъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ только песчаный грунтъ не былъ покрытъ растительностью, множество свѣжихъ слѣдовъ тигровъ.

Мы думали сначала, что частые выстрѣлы наши по птицамъ заставятъ тигровъ покинуть наше сосѣдство, но не тутъ-то было. Не только не испугали мы тигровъ, но чуть самимъ, въ скоромъ времени, не пришлось намъ убираться отъ ихъ сосѣдства. По слѣдамъ мы скоро привыкли распознавать тигровъ и пришли къ заключенію, что двое изъ нихъ, одинъ громадный, и другой поменьше, постоянно расхаживали въ близкомъ отъ насъ разстояніи, тогда какъ иногда встрѣчались слѣды и другихъ тигровъ, вѣроятно только проходившихъ этою мѣстностью, но въ ней осѣдло не жившихъ. Изученіе слѣдовъ животныхъ не такъ трудно, какъ кажется, въ особенности подъ руководствомъ туземцевъ, читающихъ по нимъ какъ по книгѣ. Изученіе слѣдовъ во время странствующей жизни натуралиста весьма важно. Много можетъ натуралистъ угадать изъ таинственной жизни животныхъ, тщательно наблюдая слѣды ихъ, отъ многихъ бѣдъ можетъ онъ избавиться въ дикихъ мѣстностяхъ, чрезъ это-же наблюденіе слѣдовъ.

Всякому путешественнику вѣроятно случалось не одинъ разъ призадуматься надъ встрѣчавшимися имъ слѣдами, не однихъ звѣрей, но и людей. Случалось и намъ, при дальнѣйшемъ странствованіи по безлюдному и дикому Тяньшаню встрѣчать слѣды людей, и признаюсь, иногда эти слѣды производили на насъ далеко не пріятное впечатлѣніе.

До какой тонкости доходитъ распознаваніе слѣдовъ туземцами — изумительно.

Стоитъ имъ окинуть глазомъ слѣдъ, положимъ, проѣхавшаго всадника и они уже знаютъ національность послѣдняго, по бовкѣ лошади и проч. Стоитъ туземцамъ прослѣдить хоть немного проѣханное всадникомъ пространство, и они скажутъ вамъ съ какой цѣлью проѣхалъ послѣдній: былъ ли то охотникъ, разбойникъ, и т. д.

Но какъ я уже сказалъ, наука эта не такъ трудна, какъ кажется. Стоитъ только привыкнуть внимательно всматриваться въ каждый слѣдъ, стараться сообразить окружающую обстановку, время дня, большую или меньшую свѣжесть слѣда и скоро начнешь дѣлать по нимъ такіе выводы, что и самъ удивишься.

Встрѣчая ежедневно, иногда по нѣсколько разъ въ день, слѣды тѣхъ же тигровъ, мы начали узнавать по нимъ и нѣкоторыя подробности ихъ жизни. Къ тому же сообщеніе, сдѣланное намъ старикомъ киргизомъ изъ аула, зимовавшаго вблизи нашей стоянки у Хоргоса, подтвердило наши выводы объ этихъ тиграхъ и объяснило, почему именно мы встрѣчали эти слѣды въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Оказалось, что пара тигровъ жила осѣдло за озеромъ, въ теченіи уже лѣтъ тридцати и выводила тамъ дѣтей. Была ли то все одна пара, или же пара смѣнялась другою нѣсколько разъ въ теченіи этихъ тридцати лѣтъ, сказать трудно. Хотя этотъ киргизъ и не вѣрилъ въ то, что тигры выводятъ дѣтей разъ въ каждыя 13 лѣтъ, но онъ положительно утверждалъ, что дѣтей тигры никогда не выводятъ два года сряду.

Въ этомъ же году (т. е. въ 1879) тигры эти имѣли дѣтей, но сколькихъ—киргизы не знали.

Пара тигровъ, о которой идетъ рѣчь, выходила обыкновенно на добычу приблизительно за часъ до заката солнца. Шли они обыкновенно параллельно, на разстояніи около версты или больше одинъ отъ другого. Такъ большій тигръ шелъ по тропинкѣ на границѣ песковъ и камышей, тогда какъ меньшій (самка) ходилъ почти параллельно ему, но ближе къ Или. Дойдя до Хоргоса, звѣри почти ежедневно переправлялись на правый берегъ, изобиловавшій, какъ я уже говорилъ, кабанами. Смотри, вѣроятно, поболѣе или менѣе удачной и легкой добычѣ, тигры возвращались утромъ то раньше, то позже. Шли тигры по нашей сторонѣ всегда шагомъ, что по слѣду легко распознать. При тихой походкѣ, слѣдовъ когтей никогда не бываетъ и только разъ удалось намъ видѣть отпечатки когтей, о чемъ будетъ сказано дальше.

Но что тигры ходятъ часто и днемъ мы узнали изъ того, что однажды небольшой тигръ переплылъ уже послѣ полудня Или, съ противоположнаго, на нашъ берегъ, и еще потому, что часа въ два пополудни, бывшій съ нами малороссъ-охотникъ встрѣтилъ тигра лежавшаго на выгорѣвшей площади камыша, шагахъ въ 200. Тигръ поднялся и прыгнулъ въ близъ лежавшій

кусть, къ великой радости охотника, вооруженнаго берданкой, стрѣлять изъ которой онъ далеко еще не наловчился.

Способъ нападенія тигра на животныхъ обыкновенно слѣдующій:

Подравшись къ животнымъ возможно близко, чтобы не быть замѣченнымъ и непремѣнно противъ вѣтра, тигръ ложится и выжидаетъ, чтобы жирующій кабанъ, косуля или какое другое животное подошло къ нему въ мѣру, т. е. на такое разстоянiе, чтобы двумя или тремя прыжками насѣсть на него. Если это не удастся, т. е. животное избѣжитъ перваго нападенія, тигръ не преслѣдуетъ его. Залегаютъ они нерѣдко и на найденныхъ ими тропахъ различныхъ животныхъ и иногда подолгу поджидаютъ свою жертву. Газелей (*Gas. Subgutturosa*) караулятъ они обыкновенно у воды.

На мѣстѣ поимки тигры никогда почти не ѣдятъ животнаго, но заносятъ его обыкновенно въ густыя заросли, или же, если разстоянiе не слишкомъ велико, то несутъ его къ своему гнѣзду, въ особенности когда дѣти уже начинаютъ ѣсть мясо. Много рассказовъ слыхали мы отъ киргизъ про силу тигровъ и хотя нѣкоторымъ изъ нихъ вѣрить трудно, все же несомнѣнно, что сила ихъ громадна. Мнѣ рассказывалъ киргизъ, что былъ свидѣтелемъ, какъ тигръ напалъ на порядочнаго кабана и сразу разорвалъ его на двѣ части. Еще говорили мнѣ киргизы, что тигръ однажды (не помню на какой рѣкѣ) убилъ у нихъ верблюда, дотащилъ его до рѣки, куда спихнулъ, и, переплывъ съ нимъ на противоположный берегъ, сталъ его ѣсть на глазахъ у всего аула.

Сначала мы неособенно опасались тигровъ и расхаживали въ одиночку: кто къ озеру за водяной птицей, кто съ сѣткой за бабочками и проч., правда, со штуцеромъ за плечами. Но скоро увидѣли мы, что дружелюбныя отношенія наши съ тиграми нарушены.

Приведу нѣкоторые мѣста изъ своего путевого журнала, касающіяся нашего болѣе близкаго знакомства съ этимъ животнымъ.

22 Марта. Провелъ съ препараторомъ весь день въ пескахъ, гдѣ появилось много новыхъ насѣкомыхъ; солнце уже стало заходить, когда мы рѣшились вернуться къ юртамъ. Спустившись изъ песковъ въ долину Хоргоса, намъ оставалось пройти около версты до нашей стоянки.

Собака, вѣчно сопровождавшая насъ, вдругъ причуяла дичь и быстро повела по бѣжавшему между кустиками чія фазану. Я передалъ препаратору снаряды для ловли насѣкомыхъ, снялъ съ плеча ружье и приготовился стрѣлять.

Но птица не подымалась и мы быстро шли за горячо искавшей собакой и дошли до тропинки, шедшей частью краемъ камыша, частью густымъ чіемъ, по которой лежалъ нашъ обычный путь къ юртамъ.

Стало темнѣть и мы уже находились не далѣе какъ въ 400 шагахъ отъ дома, какъ вдругъ собака остановилась, сильно втянула въ себя воздухъ и затряслась всѣмъ тѣломъ. Глаза ея были направлены впередъ по тропинкѣ и нѣсколько наискось, т. е. въ камышъ. Шерсть на нашемъ вѣрномъ Гаѣ вся поднялась, хвостъ исчезъ между ногъ и вся фигура его изображала крайній предѣлъ ужаса. Никогда не приходилось мнѣ видѣть, ни прежде, ни послѣ, животного въ такомъ испуганномъ состояніи. Не спуская глазъ съ той точки, куда былъ обращенъ впервые его взоръ, Гаи сталъ пятиться къ намъ и вдругъ бросился опрометью бѣжать и остановился шагахъ въ десяти сзади насъ. Я немедленно переснарядилъ одинъ стволъ своего гладкоствольнаго ружья (центр. боя), вложивъ въ него патронъ съ разрывною коническою пулею. Препараторъ взвелъ курокъ пистолета и мы простояли нѣсколько секундъ въ безмолвіи и въ ожиданіи. Испугъ собаки, на которую я взглянулъ, не уменьшался. Сильная нервная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

Я сталъ отступать назадъ и мы отошли съ препараторомъ шаговъ на 15 и тутъ рѣшили, что лучше намъ обойти тропинку и добѣжать до юртъ стороною, чтобы захватить товарищей и штуцера. Я мало надѣялся на стрѣльбу коническою пулею изъ гладкоствольнаго ружья, да еще при значительной темнотѣ и на узкой тропинкѣ.

Забравъ вправо, мы быстро добѣжали до юртъ, мигомъ схватили штуцера и черезъ нѣсколько мгновеній уже впятеромъ бѣжали обратно къ мѣсту, гдѣ наткнулись на что то подозрительное въ камышѣ. Испуганную собаку мы насильно заставили слѣдовать за собою. Дойдя до мѣста, мы стали въ пяти шагахъ другъ отъ друга и вошли въ камышъ. Собака сильно втягивала воздухъ, но уже видно было, что она потеряла ту точку, на которую такъ сильно было сосредоточено ея вниманіе нѣсколько минутъ раньше. Мы рѣшились войти въ камышъ и, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, вернулись къ стоянкѣ. Было уже очень темно.

Долго не могъ я заснуть въ этотъ день. Что то было за животное въ камышѣ? отчего не пошелъ я на него съ перваго раза? была ли то трусость съ моей стороны, или же благоразуміе? И много подобныхъ вопросовъ смѣнялось у меня въ головѣ, покуда усталость не взяла верхъ и я не заснулъ тѣмъ сномъ, который извѣстенъ можетъ быть только охотникамъ да странствующимъ натуралистамъ.

Утромъ на слѣдующій день, громадныя слѣды и лежка въ томъ мѣстѣ, гдѣ такъ перепугалась наша собака, показали намъ что здѣсь лежалъ вчера громадный тигръ. Лежка его находилась шагахъ въ 8 отъ тропы, по которой мы шли и, не будь съ нами собаки, Богъ знаетъ чѣмъ бы закончился для одного изъ насъ вчерашній день.

3-го Апрѣля.

Въ этотъ день всѣ члены нашей экспедиціи вернулись какъ то раньше къ стоянкѣ и въ ожиданіи обѣда я задремалъ.

Незадолго до заката солнца пришелъ Торгоутъ Очуръ, пасшій нашихъ пять лошадей на полянкѣ, шагахъ въ 300 отъ юртъ. Лошади же приходили сами къ водопою около этого времени и тогда уже привязывались на ночь къ деревьямъ, окружавшимъ нашъ лагерь. Вдругъ раздался страшный крикъ, разбудившій меня и переполошившій насъ всѣхъ. «Кабаны дерутся» замѣтилъ кто-то, но тутъ же повторился еще болѣе раздирающій и продолжительный крикъ и мы всѣ поняли, что кричитъ одна изъ лошадей. Туземцы бросились къ лошадямъ, но ихъ уже на полянкѣ не было. Несмотря на быстро наступавшую темноту, удалось разсмотрѣть по слѣдамъ, что лошади направились къ рѣкѣ ниже нашей стоянки и перешли черезъ нее. Дѣйствительно на прогалинѣ между камышами, на правой сторонѣ увидѣли мы троихъ бѣжавшихъ лошадей, которыя скоро скрылись въ чащѣ. Преслѣдовать ихъ было бы бесполезно, такъ какъ быстро темнѣло и слѣдовъ нельзя было разсмотрѣть.

Вернувшись къ стоянкѣ, сидѣли мы невеселые весь вечеръ. У насъ было тогда всего пять лошадей. Мѣстность вокругъ совершенно безлюдная. Ближайшій киргизскій аулъ находился верстахъ въ тридцати пяти отъ насъ, да и то по всему вѣроятію онъ уже долженъ былъ отодвинуться ближе къ горамъ, судя по времени года. Причина, угнавшая нашихъ лошадей, была для всѣхъ насъ извѣстна, и досада, что подъ носомъ у хорошо вооруженныхъ людей тигръ могъ совершить безнаказанно такую продѣлку, по меньшей мѣрѣ равнялась досадѣ, ко-

торую мы всё чувствовали отъ самаго факта пропажи нашихъ животныхъ.

Рѣшено было, что двое изъ туземцевъ чуть свѣтъ отправятся въ поиски за пропавшими лошадьми, хотя мы всё сомнѣвались въ успѣхѣхъ. Напуганные лошади далеко уходятъ, говорили туземцы. Одинъ изъ Киргизъ сталъ гадать по катышкамъ бараньяго помета, который съ этою цѣлью носился имъ въ карманѣ, бережно завернутый въ тряпку. Нѣсколько разъ бросалъ онъ эти катышки на землю, потомъ собиралъ ихъ, что-то шепталъ, подносилъ ко лбу, вновь разбрасывалъ, что то шепталъ и наконецъ сообщилъ намъ свое предсказаніе.

Мы съ интересомъ слѣдили за его гаданіемъ. Какъ онъ, такъ и остальные туземцы съ большою увѣренностью слѣдили за катышками и мнѣ это напомнило гаданіе нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, про которое я читалъ замѣчательно интересныя сообщенія въ англійской газетѣ the Field. «Завтра утромъ до чая три лошади будутъ здѣсь. Одна убита, другая ранена, а можетъ быть тоже убита», предсказалъ намъ Киргизъ. Какъ ни скептически отношусь я ко всѣмъ подобнымъ предсказаніямъ, но долженъ признаться, что все предсказаніе случилось буквально такъ, какъ говорилъ Киргизъ. Чуть свѣтъ отправились двое изъ туземцевъ по слѣдамъ лошадей. Мы же, оставшіеся у юртъ, противъ обыкновенія, спали долго въ этотъ день.

Обыкновенно мы пили чай при восходѣ солнца, въ этотъ же день приготовились пить его часовъ въ 9 утра. Уже вода вскипѣла, какъ вдругъ слышимъ конскій топотъ, и черезъ нѣсколько мгновеній наши молодцы пріѣхали на двухъ лошадяхъ и привели въ поводу третью. Какъ оказалось, они встрѣтили возвращавшихся вчерашнимъ слѣдомъ лошадей верстахъ въ 8—10 отъ нашей стоянки.

Лошади шли шагомъ, обнюхивая слѣдъ, и увидѣвши людей тотчасъ къ нимъ подбѣжали.

Но что случилось съ двумя остальными животными, въ томъ числѣ и съ отличною, сильною лошадыю, на которой ѣздилъ я? Надо замѣтить, что всё наши лошади были спутаны передъ происшествіемъ: три лошади имѣли веревочныя путы, двѣ же пропавшія—крѣпкія, ременчатыя.

Когда туземцы встрѣтили лошадей, то на ногахъ у нихъ болтались остатки веревокъ. Ясно было для насъ, что именно эти

лошади избѣжали опасности тѣмъ, что порвали свои путы, тогда какъ лучшія лошади, имѣвшія притомъ и лучшія путы, порвать ихъ не смогли и достались тиграмъ.

Вотъ что оказалось при осмотрѣ нами поляны, гдѣ вчера пались лошади до катастрофы.

Прежде всего были видны слѣды пяти лошадей, въ перемежку съ слѣдами двухъ тигровъ, одного громаднаго и другого не много меньшаго. Съ двухъ сторонъ подошли тигры къ лошадямъ, причемъ большій вышелъ на поляну изъ камышей недалѣе какъ въ 200 шагахъ отъ нашей стоянки и залегъ подъ кустикомъ, находившемся на тропѣ, ведшей отъ насъ къ озеру. Здѣсь лежалъ тигръ и выправлялъ свои когти; глубокія дырочки и бороздки свидѣтельствовали о томъ самымъ несомнѣннымъ образомъ.

Другой тигръ, меньшій (тигрица), вышелъ на поляну почти противъ перваго, тоже изъ камыша, такъ что лошади находились какъ разъ между тиграми.

Послѣдовало нѣсколько громадныхъ прыжковъ и вѣроятно одинъ изъ тигровъ тутъ-же схватилъ лошадь. То былъ первый крикъ слышанный вчера. На этомъ мѣстѣ нашли мы желѣзное кольцо отъ ременчатыхъ путъ. Остальныя лошади бросились къ рѣкѣ и вѣроятно три изъ нихъ порвали тогда-же свои путы и перебрались черезъ рѣчку благополучно. Гдѣ именно задушилъ тигръ вторую лошадь, разобрать было невозможно, такъ какъ грунтъ былъ слишкомъ испещренъ слѣдами. Тигры, по нашимъ соображеніямъ, унесли лошадей въ густой кустъ камыша, а можетъ быть и къ гнѣзду.

Такое двойное нападеніе было вѣрно разсчитано и тщательно обдуманно тиграми, а никакъ не произошло случайно. Я даже увѣренъ въ томъ, что тигры залегли задолго до нападенія на лошадей и вѣроятно ждали чтобы ушелъ человѣкъ, который ихъ пасъ. На это указывала вышеупомянутая лежка тигра, которая была настолько сильно утоптана, что нужно было заключить, что звѣрь пролежалъ тутъ значительное время.

Уцѣлѣвшія лошади остались навсегда страшно пугливыми. По возвращеніи въ Россію я получилъ изъ Кульджи письмо, въ которомъ мнѣ писали, что громадный тигръ былъ убитъ охотниками подъ Суйдуномъ (дунганскомъ городѣ, верстахъ въ сорока на Северо-Западъ отъ Кульджи) во время охоты на кабановъ, и писали мнѣ, что по слѣдамъ оказалось, что тигръ зашелъ туда изъ камышей Хоргоса.

Этотъ случай, кажется, убѣдилъ всѣхъ русскихъ живущихъ въ Кульджѣ, не вѣрившихъ въ то что именно тигръ, а не ирбисъ называется туземцами Джол-барсомъ. Киргизы вообще называютъ тигра Джол-барсъ; Таранчи и нѣкоторые Киргизы—Юль-барсъ; Монгольскія племена—баръ.

Сергій Алфераки.

Таганрогъ.

15 Декабря 1881 года.